

Est.
October, 2018

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

URAL JOURNAL

OF LEGAL RESEARCH

2 (23) 2023

В этом выпуске:

Агвердиева Н.Н.к.
Пандемия COVID-19
и роль государств

Бурдуков М.Ю.
Проблемы толкования односторонних
сделок в российском правовом порядке

Вострикова А.М., Руф В.С.
Применение концепции страхового
интереса к личному виду страхования

Featured:

Narmin N. Agverdieva
The COVID-19 Pandemic
and the Role of States

Maxim Yu. Burdukov
Problems of Interpretation of Unilateral
Transactions in Russian Legal Order

Anastasia Vostrikova, Vladislav Ruf
Enforcement of the Concept of Insurance
Interest to the Personal Type of Insurance

Екатеринбург | Yekaterinburg 2023

2(23)
2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования | Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education

Уральский государственный юридический университет им В.Ф. Яковлева
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Яценко Ангелина Михайловна

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Алексеевна
Дементьев Данил Ильич
Бурдуков Максим Юрьевич
Казанцева Алина Антоновна
Ларионов Павел Алексеевич
Макарова Анастасия Михайловна
Попова Елена Сергеевна
Пронькина Елизавета Федоровна

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета:

Сергеев Д.Н. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;

Члены редакционного комитета:

Азаренок Н.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного процесса УрГЮУ;
Васильев А.С. – к.ю.н., доц. каф. гражданского права УрГЮУ;
Козаченко И.Я. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. уголовного права УрГЮУ;
Корте Густаво – доктор наук, директор центра междисциплинар. иссл. (Сан-Пауло, Бразилия);
Лихачев М.А. – к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ;
Мочалов А.Н. – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права УрГЮУ;
Радостева Ю.В. – к.ю.н., доц. каф. уголовного права УрГЮУ;
Самсон Бенджамин – доктор наук, зам. прокурора г. Манила (Филлиппины);
Ярков В.В. – Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф., зав. каф. гражданского процесса УрГЮУ.

Свидетельство о регистрации:

№ ЭЛ № ФС 77-73574 от 31.08.2018 г.

Адрес редакции:

620137, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 23, оф. 307

Editorial Board:

Chief Editor:

Yatsenko Angelina Mikhailovna

Editors:

Avdeeva Olga Alexeevna
Dementiev Danil Ilyich
Burdukov Maxim Yurievich
Kazantseva Alina Antonovna
Larionov Pavel Alexeevich
Makarova Anastasia Mikhailovna
Popova Elena Sergeevna
Pronkina Elizaveta Fedorovna

Editorial Council:

Editorial Committee Chairman:

Sergeev D.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU.

Members of the Editorial Committee:

Azarenok N.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Procedure Dep., USLU
Vasiliev A.S. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Civil Law Dep., USLU;
Kozachenko I.Ya. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Criminal Law Dep., USLU;
Gustavo Korte – PhD, Head of the Interdisciplinary Research Center (São Paulo, Brazil);
Likhachev M.A. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the International and European Law Dep., USLU;
Mochalov A.N. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Constitutional Law Dep., USLU;
Radosteva Yu.V. – Cand. of Jur. Sci., assoc. prof. of the Criminal Law Dep., USLU;
Samson Benjamin – PhD, Deputy Prosecutor of the Manila (Philippines);
Yarkov V.V. – Honored Scientist of Russia, Doc. of Jur. Sci., prof., Head of the Civil Procedure Dep., USLU.

Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77-73574, 31.08.2018

Address:

620137, Sverdlovsk region, Yekaterinburg,
Komsomolskaya st., 23, off. 307

Содержание:

Агвердиева Н.Н.к. Пандемия COVID-19 и роль государств	3
Бурдуков М.Ю. Проблемы толкования односторонних сделок в российском правовом порядке	10
Вострикова А.М., Руф В.С. Применение концепции страхового интереса к личному виду страхования	16
Коковихина П.О. Профессиональные компетенции и роль адвоката в примирении сторон	24
Краснова Ю.О. Практические и теоретические проблемы, связанные с превышением пределов необходимой обороны	29
Кушнарев А.С. Прокурорский надзор в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков и их пропаганды в сети «Интернет»	35
Орищенко А.С., Спицин К.О. Значение прокурорского надзора в сфере охраны объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения	41
Узденова Ф.И. Отдельные вопросы гендерного равенства в практике Конституционного Суда Российской Федерации	49
Туркина Д.А., Чернигова С.А. Гражданско-правовые аспекты международного похищения детей	54
Шарифулин А.А. Контрольная ветвь государственной власти как результат самоорганизации системы разделения властей	60

Table of Contents:

Narmin N. Agverdieva The COVID-19 Pandemic and the Role of States	3
Maxim Yu. Burdukov Problems of Interpretation of Unilateral Trans- actions in Russian Legal Order	10
Anastasia M. Vostrikova, Vladislav S. Ruf Enforcement of the Concept of Insurance Inter- est to the Personal Type of Insurance	16
Polina O. Kokovikhina Professional Competencies and the Role of Law- yers in the Reconciliation of the Parties	24
Yulia O. Krasnova Practical and Theoretical Issues Associated With Exceeding the Limits of Necessary Defense	29
Alexander S. Kushnarev Procuratorial oversight of the suppression of illicit drug trafficking and their propaganda on the Internet	35
Anastasia S. Orishchenko, Kirill O. Spitsin The importance of prosecutorial supervision in the field of protection of endangered wildlife	41
Fatima I. Uzdenova Separate Issues of Gender Equality in the Prac- tice of the Constitutional Court of The Russian Federation	49
Diana A. Turkina, Sofia A. Chernigova Civil law aspects of international child abduction	54
Artem A. Sharifulin The control branch of state power as a result of selforganization of the system of separation of powers	60

2 (23) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 341.1/8
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_3

Агвердиева Нармин Насир кызы

agverdieva_narmin@mail.ru
Магистрант Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Лихачев Максим Александрович

Доцент кафедры международного и европейского
права Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф.Яковлева
Кандидат юридических наук

**Пандемия COVID-19
и роль государств**

Агвердиева Н. Н./ Пандемия COVID-19 и роль
государств // Уральский журнал правовых
исследований. 2023. № 2. С. 3–9.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_3

Аннотация:

30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку нового коронавируса чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение. Учитывая серьезность и высокий уровень распространения заболевания среди населения, 11 марта 2020 года ВОЗ объявила о начале глобальной пандемии. Пандемия COVID-19 — это первый глобальный кризис в области здравоохранения за последние 100 лет, поэтому важно проанализировать влияние пандемии на защиту прав человека. По всему миру государства принимали ответные меры на распространение коронавирусной инфекции. Введенные ограничения затрагивали базовые конституционные права. Принимались такие меры как запреты на проведение публичных мероприятий, установление социальной дистанции, объявление карантина, приказы о самоизоляции, введения цифрового наблюдения и многие другие. В работе раскрываются различные точки зрения о роли государств во время глобального кризиса в области здравоохранения 21 века. Одни считают, что государства использовали пандемию COVID-19 в качестве инструмента, способствующего удержанию власти и ограничению индивидуальных прав человека. Другие считают, что доверие со стороны населения и поддержка государства позволили победить коронавирусную инфекцию. В работе представлен анализ аргументов, подтверждающих и отрицающих решающую роль государств в борьбе с пандемией COVID-19. В статье рассматриваются вопросы, связанные с уровнем контроля и надзора государств во время COVID-19 и уровнем доверия населения к принятым государствами решениям. В работе также приведены статистические данные, демонстрирующие насколько сильно ухудшились ключевые элементы демократического управления с тех пор, как пандемия поразила страны в 2020 году.

Ключевые слова:

COVID-19, пандемия, роль государств, расширение власти, ограничение прав.

УДК 341.1/8
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_3

Narmin N. Agverdieva

agverdieva_narmin@mail.ru
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Institute of State and International Law, Master student

Academic Supervisor:

Maxim A. Likhachev

Assistant professor of International and European Law
department Ural State Law University named after
V. F. Yakovlev
Candidate of Juridical Sciences

**The COVID-19 Pandemic
and the Role of States**

Narmin N. Agverdieva / The COVID-19 pandemic and
the role of states // Ural Journal of Legal Studies. 2023.
No. 2. P. 3–9. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_3

Abstract:

On January 30, 2020, the World Health Organization declared a new coronavirus outbreak a public health emergency of international concern. Given the seriousness and high prevalence of the disease in the population, the WHO declared a global pandemic on March 11, 2020. The COVID-19 pandemic is the first global public health crisis in 100 years, so it is important to analyze the impact of the pandemic on human rights protections. Around the world, nations have responded to the spread of coronavirus infection. The restrictions imposed affected basic constitutional rights. Such measures as bans on public events, social distance, quarantine, self-isolation orders, introduction of digital surveillance and many others were taken. The paper reveals different perspectives on the role of states during the global health crisis of the 21st century. Some believe that states used the COVID-19 pandemic as a tool to maintain power and limit individual human rights. Others believe that public trust and state support have allowed the coronavirus infection to be defeated. The paper presents an analysis of the arguments supporting and denying the crucial role of states in combating the COVID-19 pandemic. The paper examines issues related to the level of state control and oversight during COVID-19 and the level of public confidence in the decisions made by the states. The paper also provides statistics showing how much the key elements of democratic governance have deteriorated since the pandemic struck countries in 2020.

Keywords:

COVID-19, pandemic, role of states, expansion of power, restriction of rights.

Пандемия COVID-19 распространилась с довольно большой скоростью на все страны мира. Смертельно опасная пандемия, которая унесла миллионы людских жизней и явно отразилась на состоянии здоровья лиц, перенесших COVID-19, оказала большое давление на системы здравоохранения разных государств. Согласно статистике по состоянию на 01 апреля 2023 г. более 683 978 215 человек во всем мире были заражены COVID-19 и более 6 831 873 человек умерли от него¹. Пандемия также оказала серьезное негативное влияние на экономику, бизнес и социальное взаимодействие, последствия которого на данный момент сложно полностью предугадать, но ожидается, что они будут глубокими и длительными.

Государства во время пандемии принимали различные меры. Активно обсуждается их роль во всем происходящем. Максим Александрович Лихачев отмечает, что международное право 21 века «это право, в котором безраздельное господство государств навсегда ушло в прошлое. Государства остаются важными правовыми субъектами, но уже не единственными и даже не важнейшими» [1, с.67]. На сегодняшний день на повестке стоит вопрос – нужны ли государства в борьбе с таким злом как пандемия, или все же пандемия – инструмент в руках государств для удержания власти и достижения своих целей.

Усилия правительств по борьбе с распространением вируса привлекли внимание к решающей роли эффективного и инклюзивного управления и, что немало важно, к отношениям между государством и людьми. Во многих государствах принимались решительные ограничительные меры. Население должно было самоизолироваться, образование было переведено в дистанционную форму, сотрудники и руководители многих фирм и предприятий также были вынуждены вести работу из дома, большинство магазинов и организаций, предоставляющих различные услуги, были вынуждены приостановить свою деятельность, работали лишь аптеки и магазины с товарами первой необходимости. Впоследствии были закрыты все границы между государствами. Такие меры государства вводили для того, чтобы приостановить распространение вируса.

Согласно Аналитической записке ООН/ДЭСВ № 75, во многих странах были активированы механизмы государственной защиты, чтобы помочь людям в борьбе с COVID-19. В Китае, Италии, США и других странах силы национальной безопасности были мобилизованы для участия в мероприятиях по защите населения от COVID-19. В Уганде и соседней Кении вооруженные силы и полиция патрулировали улицы, чтобы обеспечить соблюдение комендантского часа и карантина для предотвращения распространения вируса. Военно-морские силы США направляли госпитальные суда в сильно пострадавшие районы для оказания медицинской помощи местным жителям, в то время как правительственные военные лаборатории работали над созданием вакцины против вируса. В Китае вооруженные силы принимали активное участие в борьбе с COVID-19: они отправляли медицинских экспертов и добровольцев в больницы и лечебные центры, оказывали помощь в постройке лечебных учреждений².

Как верно было отмечено в Аналитической записке ООН/ДЭСВ № 75, именно во времена общенационального кризиса люди обращаются к государству и его институтам, ожидая от них решительных действий, направленных на улучшение сложившейся ситуации. По иронии судьбы именно во время кризиса возможности государства и его институтов подвергаются наибольшему испытанию.

1 Коронавирус: статистика // URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения 01.04.2023).

2 UN/DESA Policy Brief #75: COVID-19: Reaffirming State-People Governance Relationships // URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-75-covid-19-reaffirming-state-people-governance-relationships/> (дата обращения 12.03.2023).

нию. Так обстоит дело во время продолжающейся пандемии COVID-19³.

Во всем мире государства в различной степени занимаются представлением необходимых населению услуг. Государства взаимодействуют с населением через такие сферы, как здравоохранение, образование, правосудие и т. д. Такие услуги могут предоставляться различными способами – бесплатно, по субсидии или платно. Иногда в тяжелых ситуациях, как при пандемии, государство вынуждено заниматься распределением необходимых для выживания благ [2, с.1-7]. Например, в Руанде и Уганде правительства вынуждены распределять среди бедных и уязвимых слоев населения продукты питания и другие предметы первой необходимости. В Гане было принято решение о необходимости на протяжении всей пандемии обеспечить население водоснабжением и электроэнергией. В США федеральное правительство, чтобы смягчить трудности, вызванные пандемией, предоставило людям и предприятиям стимулирующие чеки в зависимости от уровня дохода и размера семьи. В Российской Федерации компании малого и среднего бизнеса получили субсидии для преодоления последствий пандемии. Практически все государства представляли своему населению вакцины, ПЦР-тесты, медицинские услуги и в некоторых случаях бесплатные препараты для лечения. Быстрое развертывание бесплатного выездного тестирования на COVID-19 в Республике Корея было воспринято как одна из причин, по которой стране удалось относительно быстро взять вирус под контроль. Государства независимо от уровня их экономического развития и благосостояния проявили себя в качестве лидера и кормильца населения⁴.

В своем видеообращении о COVID-19 и дезинформации от 14 апреля 2020 г. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Антониу Гутерреш обратил внимание на еще одну опасность – дезинформацию. По мере увеличения информации о COVID-19 растет и множество слухов. Проблема заключается в том, что не соответствующая действительности информация вызывает у людей панику и страх, в результате чего принятые усилия по борьбе с коронавирусом могут быть поставлены под угрозу. Так как добиться результата в борьбе с вирусом проще, если все руководствуются одной истиной? В такие периоды, как пандемия, население в надежде получить достоверную и обоснованную информацию обращаются к государству⁵.

Во времена кризиса отношения между государством и народом строятся на доверии, надежности и легитимности. В период пандемии на примерах разных стран можно было увидеть существующий уровень доверия населения к государству и его институтам, а также наблюдать за тем, насколько легитимна государственная власть для народа. Доверие и поддержка государства по мнению экспертов являлось залогом успешной борьбы с COVID-19. Директор Центра глобальных медицинских наук и безопасности в Медицинском центре Джорджтаунского университета Ребекка Кац считает, что «доверие к правительству и активное участие общества имеют решающее значение для реагирования обще-

3 UN/DESA Policy Brief #75: COVID-19: Reaffirming State-People Governance Relationships // URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-75-covid-19-reaffirming-state-people-governance-relationships/> (дата обращения 12.03.2023).

4 UN/DESA Policy Brief #75: COVID-19: Reaffirming State-People Governance Relationships // URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-75-covid-19-reaffirming-state-people-governance-relationships/> (дата обращения 12.03.2023).

5 UN/DESA Policy Brief #75: COVID-19: Reaffirming State-People Governance Relationships // URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-75-covid-19-reaffirming-state-people-governance-relationships/> (дата обращения 12.03.2023).

ственного здравоохранения»⁶. По результатам опросов было выявлено, что в США довольно низкий уровень доверия к государству по сравнению с другими странами. В Дании же, согласно результатам исследования Lancet, населения поддерживает политику своего государства в борьбе с коронавирусом⁷. Исследователи напрямую связывают уровень доверия населения к государству со статистикой заболеваемости [3, с.10-12]. Томас Боллики, директор программы глобального здоровья Совета по международным отношениям и автор книги «Эпидемии и парадокс прогресса: почему мир становится здоровее тревожными путями», утверждал, что если бы в остальных государствах уровень доверия к государству был бы подобен показателям Дании, то намного меньше людей были бы заражены во всем мире. Джошуа Шарфштейн, представитель Школы общественного здравоохранения Булмерга им. Джона Хопкинса, сказал: «Если люди не верят тому, что говорит правительство, то люди с меньшей вероятностью примут необходимые меры предосторожности»⁸. С данным наблюдением сложно не согласиться. Можно наблюдать тенденцию к повышению или уменьшению доверия населения к государству в зависимости от того, как государства боролись с самим коронавирусом и его последствиями. Иными словами – пандемия может рассматриваться как возможность укрепить доверие народа к государству. Для того, чтобы народ действовал совместно с государством во время кризиса COVID-19, необходимо принятие легитимности и авторитета государства.

Также высказывается точка зрения, согласно которой без государств невозможно будет разобраться с последствиями пандемии. В экономической сфере без вмешательства государств ослабленный частный сектор не сможет восстановиться после последствий пандемии⁹. Утверждается, что во времена кризиса и пандемии комментарии о том, что правительство ушло из жизни людей и бизнеса и что оно не играет больше решающей роли, безосновательны. Сейчас население требует, чтобы государство активно занималось предоставлением необходимых услуг и социальной защиты. Государство как защитник своего народа, особенно бедных и уязвимых, должно доказать свою эффективность во время общенационального кризиса¹⁰.

Не все в мире уверены в том, что пандемия вернула государства. Не у всех действия государства по борьбе с COVID-19 вызвали доверие, многие выражали недовольство в связи с тем, что со стороны государства расширился контроль и надзор за телом человека, в приоритет ставилось спасение трудоспособного населения, в связи с чем пожилые люди не получали должного лечения, особенно наиболее остро этот вопрос возникал во время распределения мест в интенсивной терапии.

Одна из основоположников международной политической экономики Сьюзан Стрэндж заметила, что с появлением глобальных корпораций авторитет государства и доверие к профессиональным политикам и лидерам существенно

6 Researchers are asking why some countries were better prepared for covid. One surprising answer: Trust. // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/01/trust-lancet-covid-study/> (дата обращения 19.03.2023).

7 Researchers are asking why some countries were better prepared for covid. One surprising answer: Trust. // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/01/trust-lancet-covid-study/> (дата обращения 19.03.2023).

8 Researchers are asking why some countries were better prepared for covid. One surprising answer: Trust. // URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/01/trust-lancet-covid-study/> (дата обращения 19.03.2023).

9 The Role of the State in the Post-Covid Environment // URL: <https://www.ifswf.org/publication/role-state-post-covid-environment> (дата обращения 19.03.2023).

10 UN/DESA Policy Brief #75: COVID-19: Reaffirming State-People Governance Relationships // URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-75-covid-19-reaffirming-state-people-governance-relationships/> (дата обращения 12.03.2023).

снизился, что привело к общей эрозии территориальной власти и росту не территориальной, коммерческой власти. Этот процесс она назвала «отступлением государства» [4, с.200]. Пандемия нанесла значительный ущерб экономике, что позволило государствам занять центр нашей жизни, что является значительным сдвигом в неолиберальном мире [5, с.1-7].

Итальянский философ Джорджио Агамбен утверждал, что правительства использовали пандемию как возможность нормализовать чрезвычайное положение. Чрезвычайное положение означает политическое условие приостановления действия закона и конституционных положений, лишаящих законных прав граждан и жителей. Дж. Агамбен утверждал, что распространение коронавируса дало правительствам возможность внушать страх, ограничивать передвижения, отказывать в доступе к учреждениям и приостанавливать повседневную деятельность. По мере того, как общество охватывал коллективный страх и возрастало «желание безопасности», был установлен новый регулирующий режим, ограничивающий свободу людей: «мы обменивали наш опыт или потребность жить в квалифицированной форме политической жизни (bios) на биологическое выживание и репродуктивную жизнь (zoë)», «государство признало нас биологическими существами, а не полноправными гражданами». Джорджио Агамбен опасался, что административные меры, принятые во время пандемии, могут нормализовать эту парадигму чрезвычайного положения [5, с.1-7].

Как показывает практика, пандемия – оружие в руках государства для захвата и удержания власти¹¹. Государства, применяя чрезвычайные положения, не следуя предписанным правилам, отступали от исполнения своих обязанностей перед народом. Во всем мире при введении локдауна затруднено было обращение в судебные органы для защиты своих прав, появлялись сложности в обращении в государственные и иные органы власти. Государства не были готовы справиться с возникшими сложностями. Введенные для борьбы с коронавирусом ограничения затрагивали базовые конституционные права, такие как свобода передвижения, право на мирное собрание. Некоторые государства, в основном с репрессивными режимами, пользуясь положением не позволяли высказывать свое мнение представителям политической оппозиции и средствам массовой информации. Серьезно были ущемлены в правах женщины, особенно в правах на здравоохранение, образование и достойную работу¹².

Данные, опубликованные в рамках проекта всемирного правосудия «Индекс верховенства права 2021» (см. рис. 1), показывают, насколько сильно ключевые элементы демократического управления ухудшились с тех пор, как пандемия поразила страны в 2020 году. Исследование основано на опросах, проведенных в 139 странах, респондентами которых были более 4200 юристов. В исследование были включены вопросы коррупции, соблюдения основных прав человека, соблюдения нормативных требований и функционирование системы правосудия¹³.

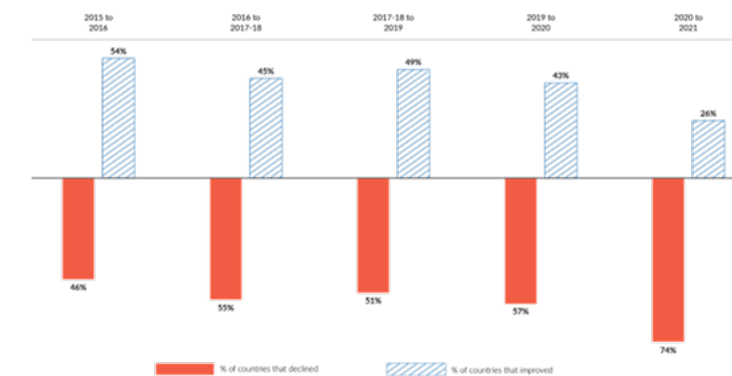
11 COVID-19 AND DEMOCRACY // URL: <https://www.idea.int/our-work/what-we-do/covid-19-and-democracy> (дата обращения 27.03.2023).

12 Rule of law takes a big hit during COVID-19 // URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/10/18/rule-of-law-takes-a-big-hit-during-covid-19/> (дата обращения 29.03.2023).

13 Rule of law takes a big hit during COVID-19 // URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/10/18/rule-of-law-takes-a-big-hit-during-covid-19/> (дата обращения 29.03.2023).

Figure 7. Continuous and Spreading Declines in Rule of Law Over Time

Percentage of countries and jurisdictions whose overall rule of law score has improved or declined in each each edition of the *WJP Rule of Law Index* since 2015. Percentage of countries and jurisdictions that improved or declined each year is calculated using the number of countries and jurisdictions common to the years in question.

20 |

С 2017 года можно наблюдать тенденцию в отступлении от верховенства права. Эта тенденция достигла нового максимума в 74% во времена коронавирусной пандемии. Независимо от экономического и общего благосостояния стран, в которых проводился опрос, наблюдается отрицательная динамика. Снизились показатели ограничения государственной власти, гражданского пространства, своевременности отправления правосудия и отсутствия дискриминации. Наблюдавшаяся в предпандемийное время положительная динамика в таких сферах, как открытое правительство, правоприменение нормативных актов и гражданское правосудие, пошла на спад в период пандемии¹⁴.

Как показывает практика, некоторые государства уже использовали пандемию для расширения своей власти и ограничения индивидуальных прав человека. Но такие действия лишь верхушка айсберга. В дальнейшем последствия COVID-19 затронут большинство демократических институтов¹⁵. Как отмечает Лихачев М.А.: «печальный опыт подтверждает, что в случае настоятельной необходимости государство не останавливается перед нарушением международного договора, если того требует артикулируемые его политическим руководством национальные интересы и безопасность страны» [1, с.68].

Мы не можем отрицать, что кризис COVID-19 определил для государства центральное место в повседневной жизни людей, и государства, воспользовавшись ситуацией, укрепили свою власть посредством законов и директив. То, что мы наблюдаем сегодня, имеет далеко идущие последствия для отношений между государством и народом. Сейчас обществу необходимо определиться, какие отношения между народом и государством важны для обеспечения устойчивости и благополучия всех членов общества.

14 Rule of law takes a big hit during COVID-19 // URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/10/18/rule-of-law-takes-a-big-hit-during-covid-19/> (дата обращения 29.03.2023).

15 How Will the Coronavirus Reshape Democracy and Governance Globally? // URL: <https://carnegieendowment.org/2020/04/06/how-will-coronavirus-reshape-democracy-and-governance-globally-pub-81470> (дата обращения 29.03.2023).

2 (23) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

Библиографический список:

1. Международное право: учебник / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. -
2. *Joseph E. Stiglitz*. The proper role of government in the market economy: The case of the post-COVID recovery. *Journal of Government and Economics*. Volume 1. 2021. Pp. 1-7.
3. *Olagnier D, Mogensen TH*. The Covid-19 pandemic in Denmark: Big lessons from a small country. *Cytokine Growth Factor Rev*. 2020. Pp. 10-12.
4. *Strange S. et al*. The retreat of the state: The diffusion of power in the world economy. Cambridge university press. 1996. 200 p.
5. *Sarkar S*. Pandemic and the state. *J Soc Econ Dev*. 2020. Pp. 1-7.

References:

1. *Lazutin L. A., Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A.* (ed.) (2023). *International law: textbook*. Moscow: Norma: INFRA-M. 656 p.
2. *Joseph E. Stiglitz* (2021). The proper role of government in the market economy: The case of the post-COVID recovery. *Journal of Government and Economics*. Vol. 1. P. 1-7.
3. *Olagnier D, Mogensen TH*. (2020). The Covid-19 pandemic in Denmark: Big lessons from a small country. *Cytokine Growth Factor Rev*. P.10-12.
4. *Strange S. et al* (1996). The retreat of the state: The diffusion of power in the world economy. Cambridge university press. 200 p.
5. *Sarkar S*. (2020). Pandemic and the state. *J Soc Econ Dev*. P. 1-7.

УДК 347.44
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Бурдуков Максим Юрьевич

maks4823@gmail.com
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Бандо Михаил Владимирович

Доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического
университета, кандидат юридических наук

**Проблемы толкования
односторонних сделок
в российском правовом порядке**

Бурдуков М.Ю. / Проблемы толкования
односторонних сделок в Российском правовом порядке // Урал
Юридический журнал правовых исследований. 2023. № 2.
С. 10–15. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Аннотация:

Данная статья посвящена исследованию современных проблем толкования односторонних сделок в Российской Федерации. Несмотря на распространенность указанных сделок в обороте, отечественная судебная практика до сих пор не выработала общих подходов к их толкованию. Автор берет за основу деление односторонних сделок на требующие и не требующие восприятия в целях демонстрации зависимости применяемого подхода к толкованию от необходимости восприятия волеизъявления другим лицом. В случаях, когда речь идет об односторонних сделках, адресованных отдельным лицам, по мнению автора, следует исходить при толковании из горизонта восприятия адресата волеизъявления. В случаях, когда волеизъявление не имеет конкретного адресата, а обращено по отношению к неопределенному кругу лиц, автор статьи полагает, что необходимо ориентироваться на то, как волеизъявление было бы воспринято среднестатистическим участником оборота. Анализируя односторонние сделки, не требующие восприятия, автор акцентирует внимание на толковании завещаний, как единственной односторонней сделке, вопросы толкования которой непосредственно закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации. С точки зрения автора, приоритетным при толковании должен быть учет действительной воли завещателя, поскольку это в наибольшей степени соответствует одному из основополагающих принципов наследственного права, а именно принципу учета действительной и предполагаемой воли наследодателя. В конце статьи автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей проработки методологии толкования односторонних волеизъявлений с целью выработки актуальных подходов интерпретации, которые смогли бы применять суды при разрешении конкретных споров.

Ключевые слова:

толкование волеизъявления, односторонняя сделка, толкование договора, сделки требующие восприятия, гражданское право.

УДК 347.44
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Maxim Yu. Burdukov

maks4823@gmail.com
Institute of State and International Law, Student
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Academic Supervisor:

Mikhail V. Bando

Associate Professor of Civil Law
Ural State Law University
Candidate of Juridical Sciences

**Problems of Interpretation
of Unilateral Transactions
in Russian Legal Order**

Maxim Yu. Burdukov / Problems of interpretation of
unilateral transactions in Russian legal order // Ural
Journal of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 10–15.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_10

Abstract:

This article is devoted to the study of modern problems of interpretation of unilateral transactions in the Russian Federation. Despite the prevalence of these transactions in circulation, domestic judicial practice has not yet developed common approaches to the interpretation of this type of transactions. The author takes as a basis the division of unilateral transactions into those requiring and not requiring perception in order to demonstrate the dependence of the applied approach to interpretation on the need to perceive the will of another person. In cases where we are talking about unilateral transactions addressed to individuals, in the author's opinion, one should proceed from the horizon of perception of the addressee of the expression of will when interpreting. In cases where the will does not have a specific addressee, but is addressed to an indefinite circle of persons, the author of the article believes that it is necessary to focus on how the will would be perceived by the average participant in the turnover. Analyzing unilateral transactions that do not require perception, the author focuses on the interpretation of wills, as the only unilateral transaction, the interpretation of which is directly enshrined in the Civil Code of the Russian Federation. From the author's point of view, the priority in interpretation should be taking into account the actual will of the testator, since this is most consistent with one of the fundamental principles of inheritance law, namely the principle of taking into account the real and alleged will of the testator. At the end of the article, the author comes to the conclusion that it is necessary to further develop the methodology for interpreting unilateral declarations of will in order to develop relevant approaches to interpretation that could be applied by the courts in resolving specific disputes.

Keywords:

interpretation of will, unilateral transaction, contract interpretation, transactions requiring perception, civil law.

Статья 431 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) регулирует вопросы толкования договора в отечественном правовом порядке. Однако данная статья оставляет без внимания вопросы, связанные с толкованием односторонних волеизъявлений. Из буквального прочтения текста указанной статьи следует, что содержащиеся в ней правила толкования подлежат применению только по отношению к договору, то есть только к двухстороннему волеизъявлению. В связи с этим закономерно возникает целый ряд вопросов. Какими правилами следует руководствоваться суду при толковании односторонних волеизъявлений? Могут ли суды ориентироваться на методы толкования, применяемые при интерпретации договоров? Или же для односторонних сделок уместно применение иных методов толкования, отличающихся от тех, что применяются к двухсторонним волеизъявлениям? Ответы на данные вопросы видятся неоднозначными, на что справедливо обращали свое внимание А.К. Байрамкулов и А.Г. Карапетов [1, с. 566]. С одной стороны, учитывая, что нынешнее законодательство не содержит отдельной статьи, посвященной вопросам толкования односторонних сделок (помимо статьи 1132 ГК РФ, содержащей положения о толковании завещаний), а также тот факт, что статья 156 ГК РФ прямо указывает, что к односторонним сделкам применяются правила о договорах, если это не противоречит существу односторонней сделки, то вполне уместно утверждать, что к толкованию односторонних сделок применяются положения статьи 431 ГК РФ. С другой стороны, остается не ясным в какой мере существо односторонней сделки может влиять на используемые судом приемы толкования. Каких-либо четких разъяснений по этому поводу на уровне высших судебных инстанций на настоящий момент не содержится. В тоже время этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку односторонняя сделка также, как и договор обычно выражается в языковой форме, в связи с чем нередко может содержать в себе двусмысленные или противоречивые условия, которые требуют толкования судом при разрешении конкретного спора.

Следует подчеркнуть, что традиционно объектом толкования договора считается не договор сам по себе, а содержащиеся в нем волеизъявления сторон. Именно они подлежат интерпретации судом при разрешении спора. Так, например, в § 133 Германского гражданского уложения прямо указывается, что толкованию подлежат именно волеизъявления сторон¹. Этот же подход содержится и в актах международной унификации частного права². В связи с этим односторонние сделки могут подлежать толкованию судом, поскольку содержат в себе непосредственный объект толкования договора, а именно волеизъявление.

В целом в отечественной судебной практике положительно смотрят на возможность толкования односторонних сделок путем применения приемов толкования договора. Так, в судебных решениях можно найти применение правила *contra proferentem* по отношению к банковским гарантиям³. При этом существует также ряд судебных решений, в которых суд хоть прямо и не ссылается на статью 431 ГК РФ, но тем не менее использует содержащиеся в ней приемы толкования договора для ограничительного или распространительного толкования содер-

1 Германское гражданское уложение // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#|OYJcqSjBP34d8UB> (дата обращения: 09.04.2023).

2 В ст. 8 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г., содержатся правила толкования «заявлений и иного поведения сторон», которые применяются как к договорам, так и к односторонним сделкам. Принципы УНИДРУА также выделяют правила толкования «заявлений и иных действий» (ст. 4.2).

3 Определения судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. № 307-ЭС14-4641 и от 22 июня 2015 г. № 305-ЭС15-2155 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.04.2023).

жания доверенности⁴.

В европейской правовой доктрине выделяются два основных подхода к толкованию волеизъявления (объективный и субъективный) [2, с. 54]. Субъективный подход предполагает, что суд при толковании должен учитывать то, как спорное условие было воспринято непосредственно его адресатом. При объективном же подходе суд должен учитывать то, как спорное условие было бы воспринято среднестатистическим участником оборота. Оба подхода в той или иной мере применяются судами при толковании договоров. Однако их применение к односторонним сделкам должно иметь определенную специфику. Дело в том, что односторонняя сделка в отличие от договоров не является результатом консенсуса двух волеизъявлений. Она содержит в себе лишь волеизъявление лица, совершающего сделку. Это, в свою очередь, предопределяет, что односторонняя сделка может влечь за собой юридические последствия независимо от её восприятия иными лицами. В связи с этим в немецкой доктрине принято делить односторонние сделки на требующие восприятия (*empfangsbedürftige Willenserklärung*) и не требующие восприятия (*nichtempfangsbedürftige Willenserklärung*) [3, с. 333] (обычно указывают, что первым кто предложил указанное деление в немецкой правовой науке был Э. Цительман) [4, с. 103]. Указанная классификация будет использована нами в дальнейшем, чтобы продемонстрировать, зависимость применяемого подхода к толкованию от необходимости восприятия волеизъявления иным лицом.

Односторонние сделки, требующие восприятия (*empfangsbedürftige Willenserklärung*)

Данная категория односторонних сделок является наиболее близкой к договорам, поскольку так же, как и двухсторонние сделки, всегда предполагает существование восприятия другого лица. При этом в рамках указанной категории следует различать сделки, адресованные конкретному лицу (например, заявление о зачете) и сделки, адресованные неопределенному кругу лиц (например, доверенность, уполномочивающая на совершение сделок с неопределённым кругом лиц). Применяемый к толкованию односторонних сделок подход будет зависеть от того, кому адресовано волеизъявление.

В случаях, когда речь идет об односторонних сделках, адресованных отдельным лицам, при толковании следует исходить из горизонта восприятия адресата волеизъявления. Это обуславливается тем, что юридические последствия сделки в данном случае непосредственно связаны с восприятием конкретного лица. Волеизъявление, являясь объективным выражением внутренней воли лица, совершающего одностороннюю сделку, приобретает необходимый юридический эффект именно в связи с её восприятием конкретным адресатом. Учитывая, что воля, будучи внутренним процессом, не может быть объектом толкования сама по себе (поскольку уяснение воли возможно лишь путем восприятия её внешних проявлений), вполне логично признать точку зрения конкретного адресата релевантной для толкования волеизъявления.

Другая ситуация возникает, когда волеизъявление не имеет конкретного адресата, а обращено неопределенному кругу лиц. В этом случае отсутствует

4 Постановление ФАС Уральского округа от 16.08.2004 № Ф09-2575/04-ГК по делу № А71-342/03, Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.03.2009 по делу № А66-4574/2008, Постановление ФАС Уральского округа от 29.10.2002 по делу № А60-12433/2002-С3 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.04.2023).

определенное лицо, на чье восприятие возможно было бы ориентироваться суду при толковании волеизъявления. Думается, что в таком случае суду необходимо обращаться к объективному подходу в толковании и ориентироваться на то, как волеизъявление было бы воспринято среднестатистическим участником оборота. Схожую позицию выражают А.В. Егоров и Е.А. Папченкова, предлагая решать вопрос о толковании доверенности исходя из горизонта восприятия того, кому она адресована [5, с. 147].

Следует также отметить, что подобный подход к толкованию односторонних волеизъявлений закреплен в Модельных правилах европейского частного права. Так, в ст. II. – 8:201 данного акта указывается, что односторонний юридический акт толкуется в соответствии с тем, как он был воспринят адресатом (пункт 1). При этом внутреннее отношение к волеизъявлению самого лица, изъявляющего волю, учитывается только при условии, что адресат не мог не знать о содержании данной воли (пункт 2). В случае же, если восприятие адресата невозможно определить, в расчет должно приниматься восприятие разумного третьего лица (пункт 3) [6, с. 81].

Односторонние сделки, не требующие восприятия (nichtempfangsbedürftige Willenserklärung)

Более сложная ситуация возникает, когда речь идет об односторонних сделках, не требующих восприятия. Поскольку указанные сделки не нуждаются в восприятии третьих лиц для того, чтобы иметь юридический эффект, применение общих подходов к толкованию договоров наталкивается на определенные затруднения. По мнению А. А. Панова, сделки, не требующие восприятия, в целом являются исключениями из общего правила [7, с. 66]. Обычно в качестве примера односторонней сделки, не требующей восприятия, приводят завещание (хотя существует позиция, согласно которой завещание вступает в силу только с момента открытия наследства, то есть с момента восприятия третьими лицами) [8, С. 231-232]. Характерно, что завещание является единственным видом односторонних сделок, для которой в ГК РФ предусмотрена отдельная статья о толкования, а именно статья 1132 ГК РФ.

Указанная статья предполагает существование более строго подхода к толкованию завещаний по сравнению с толкованием договоров. Так, согласно статье 1132 ГК РФ завещание должно толковаться с учетом буквального значения слов и выражений, а также путем сопоставления с другими положениями и текстом завещания в целом. В случае же если вышеуказанного для толкования завещания будет недостаточно, суд не имеет права, в отличии от договора, ссылаться на иные источники информации в целях выявления истинной воли завещателя. Подобный подход законодателя не может не вызывать сомнения. Завещание, являясь односторонней сделкой, не требующей восприятия, не имеет другой стороны, которая могла бы полагаться на воспринятое ей волеизъявление. Более того, отсутствие указанной стороны никак не влияет на юридическую действительность завещания. Следовательно, необходимость в установлении более строгих правил толкования в данном случае отсутствует. По справедливому замечанию Е. Ю. Петрова, данная статья устанавливает приоритет волеизъявления завещателя над его истинной волей, тем самым порождая возможность вынесения несправедливых судебных решений игнорирующих последнюю волю наследодателя [9, с. 220].

Предлагая более предпочтительный подход к толкованию завещаний, необходимо подчеркнуть, что приоритетным при толковании должен быть учет действительной воли завещателя, поскольку это в наибольшей степени соответствует одному из основополагающих принципов наследственного права, а именно принципу учета действительной и предполагаемой воли наследодателя. В связи с этим, акцент при толковании завещания должен быть сделан не на горизонте восприятия адресатов завещания, или на разумных ожиданиях третьих лиц, а на выявлении истинной воли наследодателя. Для выявления этой воли целесообразно использовать при толковании любые внешние источники информации, позволяющие выявить чего на самом деле хотел завещатель. По мнению С. Ю. Болонина, к внешним источникам, которые могут быть использованы для данной цели можно отнести: личные письма, личное отношение к возможным наследникам и т.д. [10, с. 116].

Разумеется, возможно выдвижение противоположной точки зрения, акцентирующей внимание на том, что игнорирование буквального значения завещания может также привести к игнорированию истинной воли завещателя. Цитируя римского оратора Квинта Муция Сцевола в известном наследственном деле “Causa Curiana”: «было бы ловушкой для народа, оставив в пренебрежении написанный текст, заниматься розыском воображаемой воли завещателя». Это означало бы «толкованием красноречивых адвокатов извращать писания простых людей» [11, с. 365]. Кроме того, нельзя игнорировать то, что воля в завещании обращена к третьим лицам, то есть к наследникам, чьи разумные интересы также должны подлежать защите в целях поддержания правовой определенности. Более того, следует учитывать, что буквализм в толковании завещания снижает нагрузку на суды при рассмотрении споров, поскольку избавляет суды от необходимости каждый раз выискивать истинную волю наследодателя. Все эти аргументы, несомненно, должны быть учтены при формулировании наиболее сбалансированного подхода к толкованию завещаний, однако они не могут являться обоснованием для игнорирования действительной воли наследодателя в ситуациях, когда указанная воля вступает в противоречие с имеющимся перед судом волеизъявлением. Думается, что предпочтительным вариантом для отечественного правопорядка было бы установление опровержимой презумпции буквального значения текста завещания. В случае, если стороны наследственного спора не согласны с буквальным значением завещания, то они вправе будут ссылаться на внешние источники информации для подтверждения истинной воли наследодателя.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что в настоящий момент методология толкования односторонних сделок в отечественной доктрине находится в процессе своего становления. Необходима её дальнейшая проработка с целью выработки актуальных подходов к толкованию, которые смогли бы применять суды при разрешении конкретных споров. Данные подходы могли бы получить свое непосредственное закрепление в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Думается, что содержащиеся в настоящей статье подходы к толкованию односторонних сделок могли бы стать неплохим подспорьем для дальнейших исследований.

Библиографический список:

1. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
2. Байрамкулов А. К. Особенности толкования договора в российском гражданском праве: дисс... канд. юр. наук. Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2015. 242 с.
3. Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву // Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. 479 с.
4. Желонкин С.С. Сделки, требующие восприятия в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 // Юридическая мысль. 2016. № 2 (94). С. 102–105.
5. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. – М.: Статут, 2016. 383 с.
6. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. 989 с.
7. Панов А.А. К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 52-81.
8. Манигк А. Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 231-260.
9. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. 656 с.
10. Болонин С. Ю. Особенности правотолкования при автономном индивидуально-правовом регулировании // Russian Journal of Economics and Law. 2010. №2 (14). 203 с.
11. Римское частное право: учебник для вузов / отв. редакторы И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 607 с

References:

1. Karapetov A. G. (ed.) (2020). Contract law (general part): article by-article commentary on articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos. 1425 p.
2. Bayramkulov A. K. (2015). Features of the interpretation of the contract in Russian civil law: diss ... cand. legal Sciences. Institute of Legislation and Comparison. jurisprudence under the Government of the Russian Federation. 242 p.
3. Cherepakhin B.B. (2001). Succession in Soviet civil law. Works on civil law. Moscow: Statute. 479 p.
4. Zhelonkin S.S. (2016). Transactions requiring perception in the context of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 № 25. Legal Thought. 2 (94). P. 102-105.
5. Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt A.M. (2016). Representation: a study of judicial practice. Moscow: Statute. 383 p.
6. Rasskazova N.Yu. (ed.) (2013). Model rules of European private law. Moscow: Statute. 989 p.
7. Panov A.A. (2011). To the question of the categories of will, will and vice of will in the theory of a legal transaction. Bulletin of Civil Law.1. P. 52-81.
8. Manigk A. (2008). Development and criticism of the doctrine of the will. Bulletin of Civil Law. 2. P. 231-260.
9. Petrov E.Yu. (ed.) (2018). Inheritance law: article-by-article commentary on articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos. 656 p.
10. Bolonin S. Yu. (2010). Features of legal interpretation in autonomous individual legal regulation. Russian Journal of Economics and Law. 2 (14). 203 p.
11. Novitsky I. B., Peretersky I. S. (ed.) (2023). Roman private law: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House. 607 p.

2 (23) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 368.9
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_16

Вострикова Анастасия Михайловна

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru
Студент Института прокуратуры
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева

Руф Владислав Сергеевич

ruf.vlad-1988@yandex.ru
Студент Института прокуратуры
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Носкова Юлия Борисовна

Доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева
Кандидат юридических наук

Применение концепции страхового интереса к личному виду страхования

Вострикова А. М., Руф В. С. / Применение концепции
страхового интереса к личному виду страхования //
Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2.
С. 16–23. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_16

Аннотация:

Обеспечение надлежащей охраны жизни и здоровья человека является одной из конституционных обязанностей государства. Одним из механизмов, способствующих защите личности, выступает эффективный комплекс правовых норм, регулирующих вопросы личного страхования и ситуации, при которых человек сам принимает меры по обеспечению безопасности своих немущественных благ. Тем не менее отсутствие надлежащего правового регулирования проблем, связанных со страховым интересом, порождает ряд сложностей в защите этих благ. Авторы статьи разделяют концепцию наличия страхового интереса в личном страховании, в связи с чем подчеркивают необходимость выработки единого подхода к пониманию страхового интереса. В этих целях авторами были рассмотрены различные концепции страхового интереса, применяемые в отечественной и зарубежной правовой доктрине и практике. Приоритет при изучении юридического и экономического подходов к определению понятия страхового интереса страхователя при любом виде страхования отдается последнему, так как он позволяет более точно определить предмет и объект страхования. В то же время, было рассмотрено проявление специфики страхового интереса в договорах личного страхования: наличие его как обязательного элемента соответствующих отношений, его действие во времени. Авторы отмечают о статике страхового интереса при страховании отдельных немущественных благ по договорам личного страхования, когда в то же время в иных случаях изменение страхового интереса в период действия договора вполне возможно, на основе чего делаются выводы о возможности распространения правового регулирования страхового интереса при заключении договоров имущественного страхования на страховой интерес при личном страховании.

УДК 368.9
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_16

Anastasia M. Vostrikova

vostrikova.anastasia2001@yandex.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Student

Vladislav S. Ruf

ruf.vlad-1988@yandex.ru
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Student

Academic Supervisor:

Julia B. Noskova

Assistant professor of Civil Law department
Ural State Law University
Candidate of Juridical Sciences

Enforcement of the Concept of Insurance Interest to the Personal Type of Insurance

Anastasia M. Vostrikova, Vladislav S. Ruf / Enforcement
of the concept of insurance interest to the personal type
of insurance // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 2.
P. 16–23. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_16

Abstract:

Ensuring proper protection of human life and health is one of the constitutional duties of the State. One of the mechanisms contributing to the protection of the individual is an effective set of legal norms regulating personal insurance issues, a situation in which a person himself takes measures to ensure the safety of his non-property goods. Nevertheless, the lack of proper legal regulation of issues related to insurance interests creates a number of difficulties in protecting these benefits. The authors share the concept of having an insurance interest in personal insurance, and therefore emphasize the need to develop a unified approach to understanding insurance interest. To this end, the authors considered various concepts of insurance interest used in domestic and foreign legal doctrine and practice. Priority, when studying legal and economic approaches to determining the insured's insurance interest in any type of insurance, is given to the latter, since it allows you to accurately determine the subject and object of insurance. At the same time, the manifestation of the specifics of the insurance interest in personal insurance contracts was considered: its presence as a mandatory element of the relevant relations, its effect over time. The authors note about the statics of insurance interest in the insurance of certain non-property benefits under personal insurance contracts, when at the same time in other cases it is quite possible to change the insurance interest during the validity period of the contract, on the basis of which conclusions are drawn about the possibility of extending the legal regulation of insurance interest in the conclusion of property insurance contracts to the insurance interest in personal insurance.

Ключевые слова:

страхование, личное страхование, страховой интерес, нематериальные блага, обеспечение безопасности.

Keywords:

insurance, personal insurance, insurance interest, intangible benefits, security.

В современном мире ценность таких неимущественных благ, как жизнь и здоровье человека неуклонно растет, вследствие чего повышается необходимость в обеспечении безопасности, оберегании человека от возможных угроз. Однако, несмотря на всевозрастающую потребность в личном виде страхования, действующее правовое регулирование не содержит ответов на некоторые существенные вопросы, порождающие в конкретной правовой ситуации проблемы в реализации прав граждан. Так, например, возникает множество дискуссий как при определении понятия страхового интереса в целом, так и при его применении к личному страхованию.

Стоит отметить, что в юриспруденции существует мнение о том, что в личном страховании страховой интерес в принципе отсутствует, а юридическое значение он приобретает только при имущественном страховании [1, с. 510]. Однако крайне справедливо отмечают оппоненты данной точки зрения: «без существования страхового интереса страхование не имеет смысла»; указанную позицию нельзя не разделить [2, с. 136]. Именно поэтому, независимо от вида страхования, его объекта и предмета, страховой интерес будет присутствовать всегда, что требует его более детального изучения сквозь призму неимущественных благ человека.

Рассмотрение заявленной проблемы хочется начать с определения страхового интереса в доктрине и в законодательстве. В доктрине гражданского права еще не выработана однозначная позиция о том, что все-таки следует понимать под страховым интересом. Как отмечают некоторые правоведы: «При определении страхового интереса и направлений его трансформации могут применяться два подхода: юридический и экономический» [3, с. 84]. Суть первого заключается в потребности страхователя в получении выплат, заключении страхового договора и прочих возможностях, предоставляемых страхованием. Экономический подход «позволяет описать страховой интерес как потребность хозяйствующего субъекта в сохранении имеющихся благ и/или денежного потока от воздействия неблагоприятных событий» определяемых при страховых правоотношениях.

Таким образом, можно говорить о том, что юридический подход позволяет определить страховой интерес как, по большей части, формальные основания страхового интереса, которые непосредственно вытекают из договора страхования и при его заключении (размер выплат, наиболее выгодные и приемлемые условия договора и т.д.). А экономический подход, в свою очередь, позволяет рассмотреть непосредственно то, ради чего лицо заключает договор страхования – его потребность в защите имущества, обеспечении безопасности, получении выплат при достижении пенсионного возраста и т.д.

«Следовательно, страховой интерес при использовании экономического подхода раскрывается через изучение его основных компонентов: экономических или неэкономических благ и страхового риска» [3, с. 85]. К неэкономическим благам, в первую очередь, можно отнести жизнь, здоровье человека. Также в данную группу благ включаются способности человека, его навыки, знания.

Важными категориями при определении данного понятия также являются предмет и объект страхования. На данный момент ни законодательно, ни доктринально точно не определена граница между указанными понятиями. Некоторые правоведы объединяют указанные понятия, однако правильнее все-таки разделять их, поскольку понятие «объект» гораздо шире понятия «предмет»:

вторая категория более ограничена. В частности, разграничить объект и предмет можно на основании того, что «с точки зрения русского языка, предмет – это всякое материальное явление, вещь (то, что застраховано), а объект – явление, предмет, на который направлена деятельность (то, на что направлено страхование)» [4, с. 45]. Тем не менее, видится уместным расширить понятие «предмет» и включить в него, в том числе, и неимущественную составляющую. Указанные категории достаточно тесно связаны со страховым интересом, поскольку позволяют более точно и полно рассмотреть определения термина «страховой интерес».

Применительно к такому виду страхования, как личное, можно сказать, что экономический подход к определению термина «страховой интерес» более правилен, поскольку дает возможность более полно рассмотреть данную концепцию как с позиции страховщика, так и с позиции страхователя. Таким образом, следует, что страховый интерес в личном страховании – это потребность в обеспечении защиты жизни, здоровья, способностей, знаний, навыков и других нематериальных благ, связанных с личностью человека. Как видно, экономический подход к определению страхового интереса позволяет точно определить предмет и объект страхования. В таком случае под предметом необходимо понимать застрахованное нематериальное благо, под объектом – потребность в его защите.

Страховой интерес, как и всякий правовой интерес, содержательно предполагает социальную потребность. В личном страховании существо этой потребности заключается в обеспечении страхователю или выгодоприобретателю восстановления потерь, а также в смягчении для них материальных последствий от различного рода событий, связанных с жизнью (здоровьем) застрахованного лица. Эта потребность носит имущественный характер [5, с. 201].

В этой связи также необходимо упомянуть о такой возможной стороне страховых отношений, как застрахованное лицо. Хотя закон прямо не дает определение понятия «застрахованное лицо», таковым можно считать физическое лицо, в пользу которого заключен договор страхования – данное определение вытекает из части 2 статьи 934 Гражданского Кодекса Российской Федерации. В связи с этим можно говорить о том, что:

1. Страховой интерес у данной стороны может и не возникать, поскольку он может быть у страхователя (например, достаточно часты случаи, когда родители застраховывают несовершеннолетнего ребенка).

2. Интерес может быть, как у страхователя, так и у застрахованного лица. В своей работе Авакян А. М. отмечала, что страховый интерес также заключается «в обеспечении страхователю или выгодоприобретателю потерь, а также в смягчении для них материальных последствий от различного рода событий, связанных с жизнью (здоровьем) застрахованного лица» [2, с. 135]. Таким образом, у страхователя и застрахованного может быть один общий интерес – обеспечение нематериальных благ застрахованного лица. Но в некоторых ситуациях данный интерес может и не совпадать.

Интересным также является рассмотрение указанной концепции в зарубежном праве. В странах общего права в качестве разновидностей страхования выделяют страхование первого лица (*first party insurance*) и страхование в пользу третьих лиц (*third party insurance or liability insurance*) [6, с. 298–299]. Такая классификация позволяет разделить ситуации, когда страхователь и выгодоприобретатель совпадают в одном лице: в первом случае есть риск, связанный с собственной жизнью, здоровьем и иными нематериальными благами, а во втором случае возникает страхование ответственности: когда есть риск причинения

ущерба третьим лицам.

Отдельного внимания заслуживает следующий момент: несообщение соответствующих сведений (например, неуведомление о страховом случае), предоставление заведомо ложных сведений являются основаниями для возникновения у страховщика права на отказ от исполнения договора. Однако, как отмечается в зарубежной доктрине Херманом Коузи: влияние потребительских настроений на современное законодательство о страховании выражается в том, что санкции за нарушение информационной и иных договорных обязанностей становятся более рациональными и гуманными: ограничиваются лишь серьезными проступками страхователя (умысел, грубая неосторожность), повлиявшими на материализацию риска (обязательно наличие причинной связи). Само же законодательство о страховании становится гибридным по своей природе [7, с. 123-124].

Такой подход прослеживается и в отечественном законодательстве: п. 31-32 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» используется достаточно мягкий и гибкий подход по отношению к страхователю¹. Так, страховщик освобождается от выплаты, если докажет направленность умысла страхователя на повреждение или порчу имущества, то есть действует презумпция добросовестности страхователя. В отношении личного страхования вопрос обстоит несколько сложнее, поскольку такое детальное описание в законодательстве и правоприменительной практике отсутствует.

Теория страхового интереса была изначально выведена в зарубежном праве и в первую очередь на основании судебной практики [8, с. 208-301]. Затем она была закреплена в Великобритании, в законах Marine Insurance Act (1746) и The Life Assurance Act / Gambling Act (1774), где она, однако, не была точно сформулирована [9, с. 331-363]. Определение принципа было дано судьей Лоуренсом в деле *Lucena v Craufurd* (1806) как «право в связи с имуществом или право, вытекающее из какого-либо договора, связанного с имуществом, которое в обоих случаях может быть утрачено в связи с чрезвычайным событием, влияющим на способность стороны воспользоваться этой выгодой или владением» [10, с. 319].

Стоит отметить, что классификация страхования на личное и имущественное – то есть в зависимости от объекта и предмета страхования – находит закрепление лишь в некоторых законодательствах стран. Так она закреплена в российском Гражданском Кодексе, а также сходная классификация – в законе Франции и Польши [11, с. 767]. Однако, как отмечается некоторыми авторами, есть некоторый недостаток подобной классификации: «какое-либо специальное регулирование каждого из перечисленных видов отсутствует – глава 48 ГК РФ не имеет внутреннего деления» [11, с. 765]. С указанным замечанием сложно не согласиться, поскольку отечественное правовое регулирование – в особенности регулирование страхового интереса – имеет правовые пробелы: например, неясным остается вопрос об обязательности наличия интереса при заключении договора личного страхования.

Отдельно хочется рассмотреть вопрос определения страхового интереса на практике. В Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (далее – Концепция) указывается: «практика применения показывает, что страховщики редко используют страховой интерес как защитный инструмент» для обеспечения потребностей

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // «Российская газета». 2013. N 145.

страхователей; «На практике страховщики зачастую используют категорию страхового интереса в качестве основания невыплаты возмещения при наступлении страхового случая, что приводит к росту необоснованных отказов в выплате страхового возмещения»².

На основании указанных выводов, сделанных в Концепции, можно сказать о том, что механизм страхового интереса был создан в первую очередь для того, чтобы обеспечить защиту страхователей от недобросовестных страховщиков и обеспечить исполнение страховщиками своих обязанностей, однако всё получилось в точности наоборот: страховщики при возникновении споров используют страховой интерес против страхователей.

Важным вопросом при доказывании наличия или отсутствия страхового интереса является момент определения страхового интереса.

По действующему законодательству необходимо наличие страхового интереса на момент заключения договора страхования, однако данное положение точно распространяется только на имущественный вид страхования. Именно поэтому возникает вопрос: нужно ли соблюдать данное условие при заключении договора имущественного страхования?

В Концепции делается ссылка на зарубежный опыт применения концепции страхового интереса в зависимости от вида страхования: «в Великобритании предусматривается диверсифицированное регулирование в зависимости от вида страхования. Так, при отсутствии страхового интереса договор страхования жизни признается не соответствующим закону (страховая выплата не производится, возврат премии не предусматривается), а в отношении всех остальных договоров страхования, за исключением морского, устанавливается невозможность принудительного исполнения».

Такой подход является вполне оправданным в рамках концепции страхового интереса. Применим ли он в российском законодательстве? Можно сказать, что да, поскольку он используется применительно к имущественному страхованию, и законодательство напрямую предусматривает, что отсутствие интереса является основанием недействительности договора.

Говоря о страховом интересе, сложно обойти вниманием проблемы изменения страхового интереса во времени. Обращаясь к этому вопросу, стоит рассмотреть причины, по которым страховой интерес может исчезнуть. В силу специфики объекта личного страхования страховой интерес является достаточно статичным явлением, в отличие от имущественного страхования, которое имеет большую динамику. В качестве первопричин в современной российской доктрине гражданского права выделяют следующее: прекращение юридических оснований страхового интереса; утрата интереса в сохранности предмета или объекта страхования (применительно к имуществу это будет соответствующее имущество, а по отношению к личному страхованию – различные нематериальные блага: профессиональные навыки и т.д.); в третьем случае первые два варианта могут объединяться [12, с. 17-20].

Стоит более подробно рассмотреть первые две указанные причины. Первый случай – прекращение юридических оснований страхового интереса – по большей части относится к имущественному страхованию. В качестве такого прекращения в первую очередь рассматривается прекращение юридической связи

2 Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 N 202/оп-1/2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2023).

предмета страхования со страхователем: например, отчуждение имущества; отмена правового акта, на основании которого возникло право собственности и т.д.

Если говорить о личном страховании, то прекращение юридической связи с объектом страхования – нематериальными благами – видится невозможной, поскольку жизнь, здоровье, профессиональные навыки неразрывно связаны с личностью страхователя или третьего лица и их отчуждение невозможно по определению.

А вот утрата интереса в сохранности объекта личного страхования может иметь место. Подобное основание утраты или изменения страхового интереса применимо по большей части к профессиональным умениям человека. Например, навыки пианиста в какой-то мере зависят от здоровья суставов кистей, слуха и т.д., и есть определенные профессиональные заболевания, от которых данное лицо может застраховать себя. Однако человек может изменить род своей деятельности и интерес в страховании от профессиональных «музыкальных» заболеваний вследствие этого может отпасть.

Если рассматривать такой объект как жизнь человека, то здесь необходимо учитывать его особенность. Сложно сказать, сколько людей утратили бы интерес к подобному объекту страхования. Очень часто люди заключают договор страхования на случай дожития до определенного (чаще пенсионного) возраста, и, конечно, страховые выплаты в этом случае, с точки зрения юридического подхода, представляют наибольший интерес для лица, дожившего до этого возраста. Однако интерес может быть утрачен в случае, если лицо узнает, что болен неизлечимой болезнью, и врачи дают неутешительные прогнозы относительно возраста дожития; в таком случае лицо может отказаться от договора страхования.

Таким образом, изменение страхового интереса во времени может коснуться как имущественного, так и личного страхования, но второго лишь в определенной части. Но каковы же юридические последствия подобного изменения?

В соответствии с п. 2 ст. 930 ГК РФ, наличие страхового интереса обязательно для лица при заключении договора страхования. Однако законодательно не регулируется вопрос о том, что делать, если интерес утрачен через какое-то время после заключения договора страхования. Если обратиться к доктринальной точке зрения, то можно увидеть следующее: «Для признания договора страхования недействительным придется расширительно истолковать положения п. 2 ст. 930 и п. 3 ст. 167 ГК РФ, согласно которому если из содержания оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время» [12, с. 22]. Однако зачастую суды не поступают подобным образом.

Также предлагаются некоторые другие варианты: включать в стандартные правила или договор страхования условие, что при отсутствии у застрахованного лица страхового интереса на момент наступления страхового случая страховщик имеет право отказать в выплате. Однако данное условие суд может не признать, поскольку в соответствии с Обзором судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2007 года суды не признают право страховщика включать основания его освобождения от выплаты, не предусмотренные законом³.

Таким образом, основываясь на сказанном ранее, можно сделать несколько

3 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2007 года» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27.02.2008) // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2008. N 5.

умозаключений:

1) При личном страховании также применима юридическая категория страхового интереса, выраженная в потребности обеспечить защиту нематериальных благ, связанных с личностью человека. Более того, страховой интерес в таком случае, помимо прочего, является необходимой составляющей страхования, равно как и при других его видах.

2) Основываясь на положениях иностранной правовой доктрины, которая была положительно воспринята в отечественном праве, на страховой интерес при личном страховании видится возможным распространение правовых норм, регулирующих страховой интерес при имущественном страховании.

3) Так или иначе в целях защиты застрахованного лица по договорам личного страхования, отечественный законодатель должен внести ясность в правовое регулирование страхового интереса на уровне норм федерального законодательства.

Библиографический список:

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. – М.: Контракт: ИНФРА-М, 2006. 799 с.
2. Авакян А. М. Страховой интерес как предпосылка обязательства личного страхования // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 4. С. 135-139.
3. Брызгалов Д.В. Трансформация страховых интересов в цифровой экономике // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 4. С. 84-94.
4. Худяков А. И., Демидова Г. С., Худяков А.А. Основы страхового права: учебное пособие. Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 2004. 50 с.
5. Гуров А.В. Страховой интерес и юридический факт. Спорные вопросы // Закон. 2007. № 11. С. 201-207.
6. Cane P. First-party insurance. In Atiyah's Accidents, Compensation and the Law (Law in Context). Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 498 p.
7. Cousy H. About Sanctions and the Hybrid Nature of Modern Insurance Contract Law. Erasmus Law Review. 2012. Vol. 5. Issue 2. Pp. 123-131.
8. Meggitt G. (2015). Insurable interest – the doctrine that would not die. Legal Studies. 35(2). P. 280-301.
9. Merkin R. (1980). Gambling by Insurance – A Study of the Life Assurance Act 1774. Common Law World Review. Vol. 9. P. 265-280.
10. Nyampong Y. O. M. (2013). Insuring the Air Transport Industry against Aviation War and Terrorism Risks and Allied Perils: Issues and Options in a Post-September 11, 2001 Environment. Springer 2013/ link.springer.com./URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-642-32433-8#about-this-book> (дата обращения: 27.03.2023).

References:

1. Sadikov O.N. (ed.) (1998). Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part 2 (article by article). 799 p.
2. Avakian A.M. (2011). Insurance interest as a prerequisite for the obligation of personal insurance. Society: politics, economics, law. 4. P. 135-139.
3. Bryzgalov D.V. (2021). Transformation of insurance interests in the digital economy. STAGE: economic theory, analysis, practice. 4. P. 84-94.
4. Khudyakov A. I., Demidova G. S., Khudyakov A.A. (2004). Fundamentals of insurance law: textbook. Chelyabinsk: SUSU Publishing House. 50 p.
5. Gurov A.V. (2007). Insurance interest and legal fact. Controversial issues. Law.11. P. 201-207.
6. Cane P. (2013). First-party insurance. In Atiyah's Accidents, Compensation and the Law (Law in Context). Cambridge: Cambridge University Press. 498 p.
7. Cousy H. (2012). About Sanctions and the Hybrid Nature of Modern Insurance Contract Law. Erasmus Law Review. P. 123-131.
8. Meggitt G. (2015). Insurable interest – the doctrine that would not die. Legal Studies. 35(2). P. 280-301.
9. Merkin R. (1980). Gambling by Insurance – A Study of the Life Assurance Act 1774. Common Law World Review. Vol. 9. Issue 3. P. 265-280.
10. Nyampong Y. O. M. (2013). Insuring the Air Transport Industry against Aviation War and Terrorism Risks and Allied Perils: Issues and Options in a Post-September 11, 2001 Environment. Springer / link.springer.com/URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-642-32433-8#about-this-book> (accessed March 27, 2023).
11. Kratenko M. V. (2020). Modern model of compensation insurance (indemnity insurance) and prospects of its implementation in Russian

УДК 347.965.42
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_24

Коковихина Полина Олеговна

plinakok@gmail.com
Студентка юридического факультета Российского государственного университета правосудия

Научный руководитель:

Ващекин Андрей Николаевич

Профессор кафедры информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия
Кандидат экономических наук, доцент

Профессиональные компетенции и роль адвоката в примирении сторон

Коковихина П.О. / Профессиональные компетенции и роль адвоката в примирении сторон // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 24–28. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_24

Аннотация:

В статье рассмотрены профессиональные компетенции адвоката в примирительных процедурах сторон, применение которых на практике активно распространено в зарубежных странах, и приобретает популярность в России, поскольку обеспечивает экономию времени и ресурсов. В качестве исследовательской автором была поставлена задача установить сферы деятельности юриста и его функции в процессе примирения сторон конфликта. Также в статье приводится опыт ряда зарубежных стран в применении процедуры медиации в разрешении гражданских споров, в частности, США, где институт медиации впервые получил широкое распространение. Особое внимание уделено раскрытию сути примирительных процедур, их особенностей. При проведении исследования автором было выявлено несколько ролей профессионального адвоката: в первую очередь, он может быть представителем стороны спора, участвующей в альтернативной процедуре урегулирования спора (медиации или переговоров), также он имеет право выступать в роли медиатора, нейтрального посредника между конфликтующими сторонами при условии, что юрист соответствует требованиям, предъявляемым законодательством к статусу медиатора. Приведены различия в деятельности адвоката и медиатора, раскрыты функции каждого участника медиации. Оценены перспективы развития альтернативных способов урегулирования споров в России, названы преимущества данных способов по отношению к традиционному судебному процессу. Отмечено, что примирительные процедуры оказываются эффективными не только в частных спорах, но и в публичных. Рассмотренная тема является актуальной, поскольку проблема ограниченности временных и финансовых ресурсов общества возрастает, субъекты правоотношений находятся в поиске наиболее эффективных и экономических способов урегулирования споров. Деятельность адвоката напрямую связана с разрешением правовых споров, прослеживается четкая взаимосвязь между функциями профессионального представителя и результатом примирительной процедуры.

УДК 347.965.42
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_24

Polina O. Kokovikhina

plinakok@gmail.com
Law Faculty, Student
Russian State University of Justice

Academic Supervisor:

Andrey N. Vashchekin

Professor of the Department of Information Law, Computer Science and Mathematics of the Russian State University of Justice
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Professional Competencies and the Role of Lawyers in the Reconciliation of the Parties

Polina O. Kokovikhina / Professional competencies and the role of lawyers in the reconciliation of the parties // *Ural Journal of Legal Studies*. 2023. No. 2. P. 24–28. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_24

Abstract:

The article examines the professional competencies of a lawyer in the conciliation procedures of the parties, which are actively distributed and used in practice in foreign countries, and are gaining popularity in Russia, since they save time and resources. As research tasks, the author defined the goal: to establish the areas of activity of a lawyer and his functions in the process of reconciliation of the parties to the conflict. The article also cites the experience of a number of foreign countries in the application of mediation procedures in the resolution of civil disputes, in particular the United States, where the institution of mediation was first widely used. Special attention is paid to the disclosure of the essence of conciliation procedures, their features. During the research, the author identified several roles of a professional lawyer: first of all, he can be a representative of a party to a dispute participating in an alternative dispute settlement procedure (mediation or negotiations), he also has the right to act as a mediator, a neutral mediator between the conflicting parties, provided that the lawyer meets the legal requirements for the mediator figure. The differences in the activities of a lawyer and a mediator are given, the functions of each participant in mediation are disclosed. The prospects for the development of alternative dispute resolution methods in Russia are evaluated, the advantages of these methods in relation to the traditional judicial process are named. It is noted that conciliation procedures are effective not only in private disputes, but also in public ones. The considered topic is relevant, since the problem of limited time and financial resources of society is increasing, the subjects of legal relations are in search of the most effective and economical ways to settle disputes. The activity of a lawyer is directly related to the resolution of legal disputes, and there is a clear relationship between the functions of a professional representative and the result of a conciliation procedure.

Ключевые слова:

адвокат, профессиональные компетенции, примирение сторон, представительство, медиация.

Keywords:

lawyer, professional competence, reconciliation of the parties, representation, mediation.

Развитие общественных отношений всегда сопровождалось конфликтами различной природы. С появлением государства и права регулирование споров между людьми приобрело правовой характер, а усложнение связей и отношений в обществе породило постоянный количественный рост правовых споров между гражданами и организациями.

На сегодняшний день наиболее популярным и эффективным способом урегулирования конфликтов является судебное разбирательство, при том, что этот вид разбирательства имеет существенные недостатки. Немаловажным представляется то обстоятельство, что традиционное состязательное разрешение споров, несмотря на предпринимаемые технологические и организационные усилия по оптимизации судебной работы, требует длительных регламентированных процедур и приводит к значительным финансовым затратам сторон [1, с. 29]. Кроме того, судебное решение по делу не может отвечать интересам обеих сторон, и несогласные с судом участники процесса после вынесения решения по делу могут обратиться в вышестоящие инстанции, что значительно затягивает разрешение конфликта.

Весомую альтернативу судебному разбирательству представляет институт медиации, который уже давно применяется в европейских странах и США, где он является крайне популярным способом решения споров. Например, в США еще в 1947 г. был создан специальный орган – Федеральная служба по медиации и примирительным процедурам. В Англии и Уэльсе процедура медиации стала применяться в 1989 году. В России законодательное закрепление данного института как способа досудебного урегулирования споров состоялось в 2010 году, когда был принят Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹.

Как известно, адвокаты, обладая особым статусом советника по правовым вопросам, являются главными субъектами, участвующими в процессах урегулирования правовых споров. В процессе своей деятельности они оказывают профессиональную юридическую помощь своим клиентам. Согласно п. 2 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката предупреждение судебных споров является составной частью оказываемой адвокатом юридической помощи². На основании данной статьи можно сделать вывод, что адвокат обязан поддерживать и использовать альтернативные способы примирения сторон в случаях, когда это возможно. В научной литературе примирение сторон как форма урегулирования спора и медиация обычно рассматриваются как составная часть гражданского судопроизводства [2, с. 108-116].

Решение правовых споров при использовании примирительных процедур призвано экономить время, денежные средства и силы спорящих сторон, которые для достижения этих обоюдных целей должны прилагать встречные усилия для достижения взаимовыгодных договоренностей в рамках юридического конфликта.

1 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: федер. закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

2 Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утвержденными третьим Всероссийским съездом адвокатов 5 апреля 2007 г.) // URL: <https://fparf.ru/> (дата обращения 10.04.2023).

Поэтому в современной юридической науке предлагается под термином «альтернативные способы (процедуры) разрешения спора» понимать «систему взаимосвязанных действий сторон и иных лиц по рассмотрению возникшего спора, направленных на его внесудебное урегулирование или разрешение с использованием примирительных или иных не запрещенных процедур, осуществляемое, как правило, на основании добровольного волеизъявления сторон» [3, с. 15]. Основной особенностью альтернативной процедуры разрешения споров является статус участников конфликта. Стороны в этой процедуре имеют равные права, что является важным при заключении эффективного и исполнимого соглашения между спорящими субъектами. В данном случае важно отметить, что основным принципом гражданского судопроизводства является равенство сторон.

При рассмотрении деятельности адвоката в рамках альтернативного разрешения споров, легко заметить, что важнейшее значение имеет классификация и общий характер процедуры разрешения споров [4, с. 10].

Главная же задача адвоката при участии в примирительных процедурах состоит в содействии выхода сторон из зоны конфликта, а также помощи доверителю и другой стороне спора в поиске взаимовыгодного и приемлемого решения [5, с. 10]. Для достижения поставленной цели, а именно достижения эффективного соглашения между сторонами, адвокат вправе давать доверителю юридические консультации и советы, а также вступать от имени клиента в диалог с другой стороной и ее представителем. Важно, чтобы адвокат также предлагал условия, на которых спор мог бы быть решен вне суда, а также совершать иные действия, способствующие примирению сторон.

Необходимо отличать обязанности медиатора и адвоката, как представителя стороны. Адвокат действует в интересах своего доверителя, однако для достижения взаимовыгодного результата примирительной процедуры не должен забывать и о другой стороне. Данный подход способствует формированию законного и исполнимого соглашения, которое урегулирует спор. Если в соглашении права одной стороны нарушены, спор неминуемо получит свое развитие в суде либо в других органах, имеющих полномочия на рассмотрение данных правовых конфликтов.

Медиатор же является независимым посредником, который не поддерживает позицию ни одной из сторон. Если медиатор склоняется к мнению какой-либо стороны или выделяет одну сторону на фоне другой, он нарушает принцип независимости посредника - один из основополагающих принципов медиации -, а значит, эффективность процедуры сводится к нулю. Равноправие сторон в процедуре медиации является ключевой ролью медиатора, которая обеспечивает согласование интересов спорящих.

Как адвокат, так и медиатор могут использовать специальные техники ведения переговоров для управления процедурой, в этом заключается, пожалуй, самая главная схожесть в их деятельности во время переговоров [6, с. 24].

Медиатор развивает профессиональные компетенции в трех основных направлениях: создание коммуникации, ведение переговоров и управление конфликтом.

В рамках данных направлений медиатор осуществляет определенные действия, которые выражают его роль и задачи в процедуре медиации. Функции медиатора условно можно разделить на сферы деятельности, названные ранее.

Во-первых, посредник осуществляет функции в сфере нормирования процедуры, которые заключаются в организации процесса переговоров. Безусловно, именно медиатор является «хозяином» процедуры, следит за регламентом и продолжительностью встречи, отвечает на возникшие вопросы сторон.

Во-вторых, медиатор осуществляет функции по вербализации спора, конкретизируя характер разногласий. Во время переговоров, медиатор задает различного рода вопросы, которые способствуют выяснению обстоятельств конфликта, а также формированию понимания между участниками процедуры, тем самым медиатор направляет участников процедуры. Медиатор не вправе принимать какие-либо решения по существу спора, однако в его силах помочь сторонам увидеть «проблемные» зоны и проработать их совместно.

В-третьих, независимый посредник влияет на эмоциональное состояние переговорщиков во время процедуры. Медиатору необходимо создать благоприятную атмосферу для коммуникации, чтобы никакие психологические факторы не влияли на процедуру. Критической задачей медиатора является его помощь сторонам в выходе из зоны конфликта, проработке эмоций. Здесь может понадобиться индивидуальная работа посредника с каждой из сторон для понимания их интересов и целей, а также поиска выхода из зоны конфликта.

Юристу, представляющему интересы своего доверителя, в первую очередь необходимо провести подготовительную работу со своим клиентом, чтобы показать ценность и значимость переговоров или медиации в качестве способов решения правовых споров. Поскольку все примирительные процедуры происходят на основе принципа добровольности, личный настрой спорящих сторон играет немаловажную роль.

Подготовка к примирительным процедурам как к способу досудебного урегулирования спора состоит из нескольких этапов [7, с. 20]. В первую очередь адвокату необходимо ознакомиться с судебной практикой по соответствующей категории дел и оценить перспективы судебного разбирательства. На этом же этапе доверитель и адвокат просчитывают возможные судебные издержки и оценивают, на какое количество времени может затянуться судебный процесс. Далее составляется стратегия переговоров, которая отвечает интересам доверителя и способствует достижению идеального для него результата. Помощь адвоката заключается в выработке юридической позиции клиента, необходимой для защиты законных прав и интересов доверителя. Адвокат и доверитель могут совместно продумать несколько потенциальных вариантов решения споров.

На использование альтернативных способов урегулирования правовых споров по статистике стороны тратят меньше финансовых и временных ресурсов, чем на судебный процесс. Первый вариант подходит для тех граждан и организаций, которые экономят время и деньги.

Таким образом, можно сделать вывод, что адвокат, являясь профессиональным советником по юридическим вопросам, обладает всеми необходимыми компетенциями для помощи своему клиенту в урегулировании правового спора вне судебной системы, а законодательство РФ и Кодекс профессиональной этики адвокатов указывает на использование адвокатом-посредником примирительных процедур [8, с. 12].

Библиографический список:

1. Ващекин А.Н., Ващекина И.В. Информационно-программное обеспечение рационального распределения судебных дел // Правовая информатика. 2017. № 4. С. 24-30.
2. Потепенко С.В. Примирительные процедуры в гражданском процессе и роль суда в их реализации // Сборник «Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых спо-

References:

1. Vashchekin A.N., Vashchekina I.V. (2017). Information and software for the rational distribution of court cases. Legal Informatics. 4. P. 24-30.
2. Potapenko S.V. (2015). Conciliation procedures in civil proceedings and the role of the court in their implementation. Alternative forms of settlement of civil law disputes. P. 108-116.

- ров. Материалы Всероссийской научно-практической конференции». Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия. 2015. С. 108-116.
3. Семеняко М.Е. Участие адвоката в альтернативном разрешении споров и примирительных процедурах: автореф. дис. ... к.ю.н. - М.: 2010. 18 с.
 4. Колясникова Ю.С. Примирительные процедуры в арбитражном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 31 с.
 5. Ротко С.В. Третейское и медиативное рассмотрение споров в системе альтернативного разрешения гражданско-правовых конфликтов // Юрист. 2014. № 3. 31 с.
 6. Ващекин А.Н., Шевченко Д.И. Обмен информацией в профессиональной деятельности юриста: исследование особенностей коммуникативной деятельности // Правовая информатика. 2018. № 1. С. 23-31.
 7. Колобашкина С.С. Проблемы использования адвокатом переговоров и медиации как внесудебных средств разрешения спора // Адвокат. 2011. №2. 66 с.
 8. Калачева Е.Н. Примирительные процедуры в деятельности адвоката // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. №2. 411 с.
 3. Semeniako M.E. (2010). Lawyer's participation in alternative dispute resolution and conciliation procedures. 18 p.
 4. Koliashnikova I.U.S. (2010). Conciliation procedures in the arbitration process. 31 p.
 5. Rotko S.V. (2014). Arbitration and meditative consideration of disputes in the system of alternative resolution of civil law conflicts. Lawyer. 3. 31 p.
 6. Vashchekin A.N., Shevchenko D.I. (2018). Information exchange in the professional activity of a lawyer: the study of the peculiarities of communicative activity. Legal Informatics. 1. P. 23-31.
 7. Kolobashkina S.S. (2011). Problems of lawyer's use of negotiations and mediation as out-of-court means of dispute resolution. Lawyer. 2. 66 p.
 8. Kalacheva E.N. (2010). Conciliation procedures in the activity of a lawyer. Gaps in Russian legislation. Law Journal. 2. 411 p.

2 (23) 2022

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_29

Краснова Юлия Олеговна

yulia221@mail.ru
Студентка юридического факультета Российского
государственного университета правосудия

Научный руководитель:

Ващекин Андрей Николаевич

Профессор кафедры информационного права,
информатики и математики Российского
государственного университета правосудия
Кандидат экономических наук, доцент

Практические и теоретические проблемы, связанные с превышением пределов необходимой обороны

Краснова Ю.В./ Практические и теоретические
проблемы, связанные с превышением пределов
необходимой обороны // Уральский журнал правовых
исследований. 2023. № 2. С. 29–34.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_29

Аннотация:

В статье рассматривается необходимая оборона как одно из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Подробно исследуются теоретические и практические проблемы, возникающие в этой сфере. Автором проведен анализ судебной практики, различных точек зрения ученых и практикующих юристов по спорным вопросам. Дается характеристика условиям правомерности необходимой обороны, которые могут привести к превышению ее пределов: соотносительности и условию своевременности. В статье изучаются ситуации, которые не нашли отражения в уголовном законодательстве. Во-первых, возможно ли превышение пределов необходимой обороны при защите от посягательства, не сопряженного с опасным для жизни насильем, но способного при развитии ситуации к этому привести. Во-вторых, как квалифицировать причинение иного вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны, но не охватываемого статьями 108 и 114 Уголовного Кодекса. В-третьих, допустимо ли состояние необходимой обороны на стадии покушения на преступление. Кроме того, в статье предлагается усовершенствовать уголовное законодательство по рассматриваемой теме путем внесения некоторых изменений в текст Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». По результатам изучения института необходимой обороны в контексте превышения ее пределов автор приходит к выводу о недостаточной проработанности уголовного законодательства. Это, в свою очередь, порождает исследуемые в данной статье теоретические и практические проблемы, а также отсутствие единообразия в судебной практике.

Ключевые слова:

необходимая оборона, условия правомерности необходимой обороны, превышение пределов необходимой обороны, соразмерность, своевременность, эксцессы обороны.

УДК 343.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_29

Yulia O. Krasnova

yulia221@mail.ru
Law Faculty, Student
Russian State University of Justice

Academic Supervisor:

Andrey N. Vashchekin

Professor of the Department of Information Law,
Computer Science and Mathematics of the Russian State
University of Justice, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor

Practical and Theoretical Issues Associated With Exceeding the Limits of Necessary Defense

Yulia O. Krasnova/ Practical and theoretical issues
associated with exceeding the limits of necessary defense
// Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 29–34.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_29

Abstract:

The article considers the necessary defense as one of the circumstances excluding criminal liability. Theoretical and practical problems are explored in detail. The author analyzes judicial practice, various points of view of scientists and practicing lawyers on controversial issues. There is the description of the conditions for the legitimacy of necessary defense, which can lead to the excess of its limits: the condition of proportionality and the condition of timeliness. The article touches upon situations that are not reflected in criminal legislation. Firstly, the possibility of exceeding the limit of the necessary defense when defending against an encroachment that is not associated with life-threatening violence, but which, if the situation develops, can lead to this. Secondly, how to qualify the infliction of other harm caused in the process of necessary defense, but not punishable by articles 108 and 114 of the Criminal Code. Thirdly, the possibility of the necessary defense at the stage of attempted crime. In addition, the article proposes the improvement of criminal legislation on the topic under consideration by making some changes to the text of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 № 19 «On the application by the courts of the legislation on necessary defense and infliction of harm during the arrest of a person who has committed a crime.» Based on the researching results of the necessary defense in the context of exceeding the limits, the author concluded that the criminal legislation is not well developed. This, in turn, generates theoretical and practical problems, which are noted in this article, as well as the lack of uniformity in judicial practice.

Keywords:

necessary defense, conditions of legitimacy of necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, proportionality, timeliness, defensive excess, parties, representation, mediation.

Люди часто оказываются в ситуациях, когда возникает необходимость в реализации своего права на необходимую оборону. На первый взгляд, никаких сложностей с правовой точки зрения для них возникать не должно: обороняйся по мере своих возможностей, ведь посягающий на тебя в любом случае совершает противоправные действия. По мнению заслуженного юриста Белорусской ССР И. С. Тишкевича, только деятельный отпор преступнику может содействовать пресечению и предупреждению правонарушений [1, с. 33].

Необходимо отметить, что имея своей целью предотвращение совершения возможного преступления, такие действия являются общественно-полезными. Поэтому, в теории уголовного права высказывается мысль о том, что необходимая оборона является поощрительной нормой, позволяющей гражданам защищать свои права и интересы, а также интересы других лиц и государства, не боясь наступления негативных последствий [2, с. 213].

Однако и в теории, и на практике возникает множество вопросов, которые будут рассмотрены в данной статье.

Актуальность темы определяется недостаточной проработанностью уголовного законодательства в аспекте превышения пределов необходимой обороны, которая оставляет многие важные вопросы открытыми. Отсутствие единообразия в судебной практике также обуславливает значимость данной темы. Необходимая оборона является одним из рычагов в борьбе с преступностью, однако привлечение к ответственности невиновных, правомерно оборонявшихся лиц, подрывает авторитет этого средства защиты у населения.

Необходимая оборона является правомерной при соблюдении определенных условий. Их нарушение признается в качестве самостоятельного преступления. И только нарушение одного из этих условий влечет за собой превышение пределов необходимой обороны – это условие соразмерности защиты посягательству.

Статья 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ указывает на то, что о пределах необходимой обороны можно говорить только в том случае, когда посягательство не было сопряжено с насилием, опасным для жизни. Если же посягательство было угрожающим и опасным для жизни, либо неожиданным и лишаящим возможности адекватно оценить ситуацию, то любая защита будет считаться необходимой и соразмерной, то есть оставаться в пределах, рассматриваемых законом как допустимые.

Отдельно ведутся дискуссии о том, можно ли считать пределом необходимой обороны временную характеристику. Вполне логично предположить, что если такое условие необходимой обороны, как своевременность, определяет ее правомерность, то она также может и ограничивать ее пределы. Однако при нарушении временных границ теряется смысл необходимости обороны. Преждевременная оборона будет еще не необходимой, а запоздалая – уже не необходимой. Таким образом, если нет необходимой обороны, то и говорить о ее пределах нет смысла [3, с. 92-93].

УК РФ в части 2 статьи 37 определяет превышение пределов необходимой обороны как умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Законодатель четко указывает: несообразность ответной реакции должна быть очевидной и не вызывающей сомнений. И осознавать это в первую очередь должно лицо, осуществляющее защиту. Вследствие этого и судебные органы не должны испытывать затруднений при определении силы

1 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25.

и уместности ответных действий. Умышленность действий уже указывает на «беспредельную оборону», то есть обороняющийся осознает, что посягательство можно отразить более мягкими средствами. В юридической литературе для обозначения таких поступков используют определение «эксцесс обороны», что указывает на излишние и преувеличенные действия обороняющегося.

Степень нанесенного вреда, характеризующего превышение пределов необходимой обороны, в разных ситуациях определяется индивидуально. В ситуациях, связанных с посягательством, не сопряженным с риском для жизни или угрозой применения посягательства, эксцессом обороны будет считаться значительное причинение вреда нападающему (смерть или тяжкий вред здоровью). Это говорит о том, что качество защиты явно не соответствует характеру и силе посягательства и посягающему причинен неоправданный вред. Подобные действия обороняющегося подлежат уголовной ответственности, но только в том случае, если «установлено, что оборонявшийся осознавал причинение вреда, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства»². Несмотря на законодательное закрепление пределов необходимой обороны, учитывая очевидный оценочный характер, суды часто испытывают затруднения при квалификации превышения пределов необходимой обороны. Отсутствие устоявшейся правоприменительной практики, наличие множества субъективных факторов часто являются причинами вынесения неоправданного обвинительного приговора в отношении защищавшегося.

При рассмотрении такого рода дел Верховный Суд Российской Федерации рекомендует судам более внимательно изучать поведение потерпевшего (изначально посягающего и получившего значительный вред при необходимой обороне). Например, жителя Удмуртии суд первой инстанции осудил на 8 лет колонии за умышленное убийство и причинение тяжких телесных повреждений, а затем апелляция ужесточила наказание до 10 лет лишения свободы. Причиной конфликта стали неправомерные действия потерпевшего, который сначала совершил хищение у обвиняемого, а затем вступил с ним в драку. Это стало причиной того, что обвиняемый взял в руки нож и нанес оппоненту множественные ножевые ранения, от которых тот скончался. Суд первой инстанции дал недостаточную оценку действиям потерпевшего и посчитал, что реальной угрозы жизни обвиняемого не было, и нож был использован намеренно. Однако Верховный суд выяснил, что действия потерпевшего были более активные, он нанес обвиняемому большое количество сильных ударов, сломав ему четыре ребра. Таким образом, сложилась обстановка, в которой обвиняемый правомерно воспользовался правом на необходимую оборону. Тем не менее, большое количество нанесенных ножевых ранений Верховный суд посчитал превышением пределов необходимой обороны. В связи с чем, высшая инстанция переквалифицировала действия подсудимого на часть 1 статьи 108 УК РФ³.

Более понятными являются ситуации, связанные с посягательством, сопряженным с насилием, опасным для жизни или угрозой его применения. В законе четко делается акцент на то, что объектом преступления выступает жизнь обороняющегося или других лиц. При таких обстоятельствах в случае использования права на необходимую оборону, допускается причинение посягающему любого вреда.

2 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2023).

3 ВС объяснил, как отличить умышленное убийство от превышения пределов обороны // URL: <http://www.rapsnews.ru/publications/20201102/306458959.html> (дата обращения: 01.04.2023).

Но как быть с преступлениями, не относящимся к данной категории, например, изнасилование, нарушение неприкосновенности жилища, похищение человека, вымогательство? Здесь речь не идет о непосредственной угрозе жизни, но, при определенных обстоятельствах могут к этому привести. Допускается ли в таких случаях причинение любого вреда человеку, в том числе и смерти? Эти вопросы до сих пор остаются актуальными и решаются судами по-разному. Имеется множество резонансных дел на эту тему. К примеру, была оправдана Александра Иванникова, случайно убившая таксиста, который хотел ее изнасиловать. Она ударила его ножом в бедро и попала в артерию, что оказалось смертельным⁴. В то же время был вынесен обвинительный приговор в отношении Владимира Санкина, который обвинялся в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью человека, повлекшего смерть. На деле же Санкин узнал, что педофил Зайцев заманил к себе подростков и удерживает их. Между ними завязался конфликт, переросший в драку, в результате которой Зайцев упал и ударился головой, от чего позднее умер. Следует отметить, что педофил ранее был осужден на 11 лет за изнасилование несовершеннолетнего⁵. Можно сделать вывод, что по данному вопросу в судебной практике нет единой позиции.

При таком подходе происходит сужение прав обороняющегося, так как вместо того, чтобы эффективно устранять посягательство, ему приходится думать о том, как бы не нанести больше необходимого вреда и не попасть под уголовное преследование. В то время как некоторые из подобных посягательств, хоть и не являются угрозой жизни человеку, могут нанести ему значительный вред и оставить психологические травмы, требующие лечения.

В УК РФ только две статьи характеризуют преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны – 108 и 114. Они охватывают причинение смерти и тяжкого вреда здоровью в ходе эксцесса обороны. Как же квалифицировать причинение любого другого вреда? М. А. Кауфман считает, что причинение вреда легкой и средней тяжести в рамках необходимой обороны состава преступления не образуют, так же, как и причинение тяжкого вреда по неосторожности [4, с. 186]. Противоположную позицию занимает В. В. Орехов. Он считает, что факты нарушений условий правомерности необходимой обороны должны учитываться в качестве обстоятельств, смягчающих наказание. Таким образом, не отрицается возможность ответственности за причинение иного вреда, кроме установленного статьями 108 и 114 УК РФ. Например, человек, защищаясь от оскорблений, наносит обидчику удар в лицо и ломает ему челюсть (вред здоровью средней тяжести), тем самым явно превышая пределы необходимой обороны. В. В. Орехов предлагает квалифицировать такое действие по статье 112 Уголовного кодекса, а указанное обстоятельство учитывать, как смягчающее наказание [5, с. 94-95].

Отдельно обсуждается вопрос, нужно ли привлекать к ответственности человека за покушение на преступление, совершенное в состоянии превышения пределов необходимой обороны. В уголовно-правовом смысле – преступление не доведено до конца, по не зависящим от преступника обстоятельствам. В смысле необходимой обороны – обороняющийся превысил пределы, но никто не пострадал. Например, обороняющийся, превышая пределы обороны, выстрелил в сторону покушающегося, но промахнулся. То есть, он защитил свои интересы, не причиняя никому вреда, и привлекать к ответственности его не за что. Н.

4 Дело Александры Иванниковой, обвинявшейся в убийстве насильника в состоянии аффекта // URL: <http://parshin.org/work/delo-aleksandry-ivannikovej/> (дата обращения 01.04.2023).

5 Восемь лет за любителя детей // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4642147> (дата обращения 01.04.2023).

Н. Паше-Озерский говорит, что в таком случае не возникает состояние необходимой обороны, а, следовательно, невозможно и превышение ее пределов, так как актом защиты не был причинен никакой вред [3, с. 113]. С данным мнением трудно не согласиться.

В связи с тем, что вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны носит явно выраженный оценочный и толковательный характер, судам рекомендуется учитывать следующие критерии, указанные в Постановлении Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. №19:

1. Объект посягательства, его важность, значимость и ценность.

2. Избранный способ посягательства. Оценивается характер и степень общественной опасности, а также тяжесть последствий, которые могли наступить после окончания посягательства. Делается вывод об интенсивности посягательства и о необходимости причинения смерти или тяжкого вреда здоровью посягающему.

3. Место и время посягательства. Нападение в ночное время или в безлюдном переулке требует более активных защитных действий.

4. Соотношение сил посягающего и обороняющегося. Учитывается пол, возраст, количество лиц, наличие оружия или других предметов, используемых как оружие – причем как с одной, так и с другой стороны.

Этот список мы предлагаем дополнить следующими критериями:

1. Характеристика личности посягающего. Если он привлекался к уголовной ответственности, считается нарушителем общественного порядка, имеет асоциальные привычки и склонность к агрессии, обладает большой физической силой, то и обороняться против него можно более решительно.

2. Душевное состояние защищаемого. Само по себе посягательство и, в первую очередь, неожиданное, может вызвать неоднозначную психологическую реакцию, которую сложно контролировать. В связи с чем, сила защитных действий может быть несоразмерно больше.

3. Владение специфичными навыками боевых единоборств. Обладание подобными навыками можно приравнять к владению оружием и является недопустимым.

Все указанное должно рассматриваться судом в совокупности и подвергаться тщательному анализу. Кроме того, суд при усмотрении превышения пределов необходимой обороны должен конкретно указывать, в чем выразилось это превышение, не ограничиваясь общей формулировкой.

Как видим, недоработки в законодательстве и разночтения в его применении оставляют место для дискуссионных вопросов, которые мы частично попытались решить в данной статье. Это должно привести к выработке единообразного и стабильного подхода при рассмотрении подобных дел, особенно в судах первой инстанции, и способствовать оптимизации и стандартизации в работе судебной системы [6].

Сложилась довольно устойчивая тенденция: обороняющемуся изначально вменяют умышленное преступление, а позднее вышестоящая судебная инстанция либо отменяет решение нижестоящего суда, либо квалифицирует его действия как превышение пределов необходимой обороны. Исходя из этого, следует обратить внимание на вышеуказанные пробелы в праве и по возможности решить их.

Библиографический список:

1. *Савенок А.Л., Бахур О.И.* Необходимая оборона и задержание преступника в трудах профессора И. С. Тишкевича // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2018. №3. С. 30-35.
2. *Ахметшин А.С.* Необходимая оборона как поощрительная норма // Вестник КрасГАУ. 2009. №5. С. 213-217.
3. *Паше-Озерский Н.Н.* Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 181с.
4. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / под. ред. А. В. Бриллианова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. 1344 с.
5. *Орехов В.В.* Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 217 с.
6. *Ващекин А.Н., Ващекина И.В.* Нечеткий алгоритм распределения судебных дел в суде первой инстанции: формализация и математическое моделирование // Правовая информатика. 2017. № 3. С. 43-49.

References:

1. *Savenok A.L., Baxur O.I.* (2018). Necessary defense and detention of the offender in the works of professor I. S. Tishkevich. Journal of the Belarusian State University. Law. P. 30-35.
2. *Axmetshin A.* (2009). Necessary defense as an encouraging rule. Bulletin of KrasSAU. P. 213-217.
3. *Pashe-Ozersky N.N.* (1962). Necessary Defense and Extreme Necessity under Soviet Criminal Law. Moscow: State Publishers of Legal Literature. 181 p.
4. *Brillianov A.V.* (2021). Criminal Law of Russia. General and Special Parts: Textbook. Moscow: Prospect. 1344 p.
5. *Orekhov V.V.* (2003). Necessary defense and other circumstances precluding criminality of a deed. Saint Petersburg: Law Center Press. 217 p.
6. *Vashchekin A.N., Vashchekina I.V.* (2017). Fuzzy Algorithm for the Distribution of Court Cases in the Court of First Instance: Formalization and Mathematical Modeling. Legal Informatics. 3. P. 43-49.

УДК 343.3/7
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_35

Кушнарев Александр Сергеевич
kushnarev-02@list.ru
Студент Института прокуратуры
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Калистратова Наталия Сергеевна
преподаватель кафедры истории государства и
права Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева

Прокурорский надзор в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков и их пропаганды в сети «Интернет»

Для цитирования: Кушнарев А.С. / Прокурорский надзор в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков и их пропаганды в сети «Интернет» // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 35–40. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_35

Аннотация:

Как известно, свободное распространение информации должно обеспечиваться соблюдением ряда требований, установленных в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Прокуратурой Российской Федерации осуществляется надзор за исполнением законодательства и соблюдением прав и свобод человека и гражданина. От деятельности органов прокуратуры зависит уровень исполнения актов действующего законодательства, таким образом, можно сказать, что деятельность прокуратуры носит всеобъемлющий характер. С учетом сложившихся тенденций, информатизации общества, появления новых доступных путей распространения информации среди населения возникает вопрос о роли органов прокуратуры Российской Федерации в осуществлении прокурорского надзора по противодействию распространению запрещенной информации в сети Интернет, так как именно через Интернет-ресурсы в настоящее время совершается львиная доля правонарушений, связанных с распространением запрещенной информации. В связи с чем актуализируется необходимость в проведении научных исследований по данной проблематике. Осуществление надзора за исполнением законодательства о противодействии незаконному обороту наркотических и психотропных веществ является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Отсутствие должного нормативно-правового регулирования указанной сферы отношений породило вседозволенность, совершения субъектами правовых отношений, действий, явно выходящих за рамки правового поля. Актуальней всего данная проблема проявляется в распространении информации, являющейся запрещенной и наносящей вред, как публичным интересам, так и интересам отдельной личности в целом. Роль органов прокуратуры в данном направлении заключается в осуществлении функции координации правоохранительных органов Российской Федерации, а также в осуществлении профилактической деятельности. На основе

УДК 343.3/7
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_35

Alexander S. Kushnarev
kushnarev-02@list.ru
Ural State Law University named of V.F. Yakovlev
Institute of Procuracy, Student

Academic Supervisor:

Natalia S. Kalistratova
Lecturer of the Department of History of the State and
Law Ural State Law University named of V.F. Yakovlev

Procuratorial oversight of the suppression of illicit drug trafficking and their propaganda on the Internet

For citation: Alexander S. Kushnarev / Procuratorial oversight of the suppression of illicit drug trafficking and their propaganda on the Internet // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 35–40. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_35

Abstract:

As is well known, the free dissemination of information must comply with a number of requirements established with a view to protecting the foundations of the constitutional order, morality, health, rights and lawful interests of others, national defence and State security. The Office of the Procurator-General of the Russian Federation supervises implementation of the law and respect for human and civil rights and freedoms. The level of implementation of existing legislation depends on the activities of the procuratorial authorities; thus it may be said that the work of the procuratorial authorities is all-embracing. Given current trends, the increasing computerisation of society and the appearance of new ways of disseminating information to the public, the role of the Procurator's Office of the Russian Federation in combating the dissemination of banned information on the Internet is crucial, since it is through Internet resources that the lion's share of offences involving the dissemination of banned information now takes place. In this connection, the need for scientific research into the issue has been brought up to date. Supervising the implementation of legislation on combating illicit trafficking in narcotic and psychotropic substances is one of the priorities of the prosecutorial authorities. The lack of proper legal regulation of this sphere of relations has led to permissiveness, committing by subjects of legal relations, actions that are clearly outside the legal framework. Most urgently, this problem manifests itself in the dissemination of information that is forbidden and harmful both to public interests and to the interests of the individual as a whole. The role of the prosecution service in this area is to coordinate the law enforcement agencies of the Russian Federation and to carry out preventive activities. On the basis of the academic research carried out by the author, amendments to the legislation of the Russian Federation are proposed.

проведенного автором научного исследования предлагается внесение соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова:

прокурорский надзор, прокурор, незаконный оборот наркотиков, информация, информатизация общества.

Keywords:

prosecutorial oversight, prosecutor, drug trafficking, information, informatisation of society.

На сегодняшний момент мы являемся свидетелями масштабной модернизации жизни общества, перевод ее на инновационный путь развития с использованием таких информационно-коммуникационных средств как сеть Интернет, которая объединяет в себе миллионы компьютерных сетей, основной целью которых является хранение и передача информации. При этом важно понимать, что сеть Интернет выступает новым пространством, в котором возможно совершение противоправных деяний, в частности, распространение информации, запрещенной законом. В этом ключе именно прокуратура, как орган, призванный обеспечивать законность, защиту прав и свобод и обладающий для этого достаточными правовыми возможностями, обязана своевременно и в полной мере решать проблемы незаконного распространения запрещенной информации, выявлять соответствующие нарушения, устранять причины и условия, способствующие возникновению указанных нарушений.

Интернет является результатом развития общества и государства. Указанное развитие не проходит без соответствующей модернизации общества на технологическом и правовом уровне путем принятия законодательными органами нормативно-правовых актов, регулирующих различные сферы.

Не каждая информация, которая содержится в сети Интернет является дозволенной и может свободно распространяться в сети Интернет.

На основании вышесказанного, законодатель в Российской Федерации выделил отдельный вид информации, а именно – информацию, распространение которой запрещено законами Российской Федерации.

При распространении информации, запрещенной законом, могут преследоваться различные цели: популяризация идей, несущих угрозу государственному суверенитету, стабильности конституционного строя, общественному миру и согласию; получение незаконного конкурентного преимущества; сокрытие преступлений и должностных проступков, а также получение прибыли от реализации информационной продукции, которая может нанести вред правам и законным интересам граждан.

Именно прокуратура, как орган, призванный обеспечивать законность, защиту прав и свобод и обладающий для этого достаточными правовыми возможностями, обязана своевременно и в полной мере решать проблемы незаконного распространения запрещенной информации, выявлять соответствующие нарушения, устранять причины и условия, способствующие возникновению указанных нарушений.

Прокуратура является одним из немногих органов, который в процессе ежедневной деятельности сталкивается с нарушениями законодательства в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, в том числе в рамках рассмотрения и разрешения обращений граждан, проведения общенадзорных проверок, мониторинга сети Интернет на предмет нарушения законодательства.

Деятельность органов прокуратуры многогранна, перед прокурорами в связи с постоянными изменениями в федеральном законодательстве на сегодняшний день стоит множество задач. Для достижения указанных задач прокурорским

работникам необходимо постоянно совершенствоваться, развивать свои навыки, так как в связи с информатизацией общества, правоотношения между субъектами переходят в электронное пространство – сеть Интернет. Вследствие этого создаются ситуации, когда нарушения законодательства выявляются прокурорами при мониторинге сети Интернет. Указанное направление прокурорского надзора появилось относительно недавно. Вместе с тем, органы прокуратуры осуществляют прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства РФ, в том числе за деятельностью, осуществляемой в сети Интернет. Так как роль прокуратуры обусловлена ее публичным и социальным предназначением, то и указанные правоотношения входят в рамки прокурорского надзора, осуществляемого органами прокуратуры [1, с. 67].

Одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры является осуществление надзора за исполнением законодательства о противодействии незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Вместе с тем запрещается пропаганда каких-либо преимуществ в использовании отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, в том числе пропаганда использования в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье.

Как показывает практика правоохранительных органов, одним из самых действенных методов пропаганды наркотиков в обществе является их реклама, информирование о способах сбыта, производства и потребления наркотиков в информационном пространстве социальных сетей, закрытых групп в сети «Интернет».

Распространение в сети информации, являющейся пропагандой наркотиков является одной из ключевых проблем, стоящих перед правоохранительными органами. Усиление информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, определено в качестве одной из основных информационных угроз национальной безопасности России¹.

Статья 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ установила создание в Российской Федерации² единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». Указанный сайт находится в открытом доступе в сети Интернет и позволяет каждому гражданину, так и правоохранительным органам без проблемно направить для рассмотрения о признании информации запрещенной, обращение. Указанный фактор крайне облегчает работу правоохранительных органов по блокировке указанной информации.

Вместе с тем, основанием для включения указанной информации в реестр

1 Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 07.04.2023).

2 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.04.2023).

является наличие принятого судебными органами решения о признании указанной информации, запрещенной к распространению в средствах массовой информации и сети Интернет. С соответствующим заявлением в суд вправе обратиться с исковым заявлением прокурор. Как правило, такое исковое заявление обосновывается тем, что прокурором в рамках исследования сайтов в сети Интернет были выявлены материалы, распространение которых запрещено на территории Российской Федерации и в сети Интернет [2, с. 9].

Согласно информации одной из районных прокуратур Российской Федерации, в рамках работы по мониторингу информации в сети Интернет, оперативным сотрудником выявлена интернет-страница в сети Интернет, на которой размещена текстовая информация. Размещенная информация описывала методы изготовления наркотиков, способы их употребления человеком, содержала видео- и аудиофайлы о способах покупки указанных наркотических средств. Кроме того, на указанном сайте находились контактные данные (номера телефонов, логины в мессенджерах «Телеграмм») распространителей указанных наркотиков.

Кроме того, в пример можно привести деятельность прокуратуры г. Оренбург, которой с привлечением общероссийского общественного антинаркотического движения «АнтиДилер» проведены надзорные мероприятия. Указанные мероприятия были направлены на недопущение распространения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет сведений, пропагандирующих наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры (далее – наркотические средства).

Необходимо отметить, что появление новых информационных технологий, приложений, программного обеспечения в сети Интернет, которое полностью может обезличить пользователя сети Интернет, злоумышленники получили абсолютно новый метод совершения преступлений, связанных с незаконным распространением наркотических средств и психотропных веществ.

Совершенствование мер по эффективному противодействию распространению наркотических средств бесконтактным способом является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов в настоящее время [3, с. 86].

Данная преступная деятельность зачастую не только не ограничивается территорией одного региона, но имеет всероссийский и даже международный характер. Не случайно, что именно в отношении организаторов и участников таких интернет-магазинов по продаже наркотиков возбуждается основная часть уголовных дел по п. «а» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (сбыт наркотиков в составе организованной группы) и ч. 1 ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества).

Практика показывает, что такой наркобизнес в настоящее время охватил всю Россию и имеет высокий уровень латентности.

Повысить эффективность работы в указанном направлении деятельности можно, например, по мнению Д.К. Григоряна, закрепляя за данной линией работы наиболее квалифицированных и опытных сотрудников уголовного розыска. Кроме того, по его мнению, расследование таких уголовных дел должно осуществляться наиболее подготовленными следователями, поэтому для них также важна соответствующая специализация [4].

Для эффективного противодействия дистанционному сбыту наркотических веществ необходимо принятие и других мер.

Кроме того, с помощью «Даркнет» в настоящее время огромными потоками распространяются наркотики. Целями работы правоохранительных органов РФ является борьба с преступниками, а не с технологиями. Блокировка сайтов,

привлечение к уголовной ответственности посредников в продаже наркотиков не будет показателем достижения результатов цели. Вместе с тем, в настоящее время работа в данном направлении ведется на поверхностном уровне, путем разработки теоретических аспектов деятельности, в то время как зарубежные страны создают отдельные подразделения по борьбе с киберпреступностью в «Даркнет».

С юридической точки зрения практика задержания лиц, причастных к дистанционному сбыту наркотических веществ, осложняется правовыми аспектами: понятие сбыта предполагает цепочку «продавец-покупатель». И для подтверждения факта сбыта наркотика необходимо, чтобы покупатель выполнил незаконную покупку и стал владельцем соответствующего наркотического вещества. В таких ситуациях очень сложно доказать, дошел ли покупатель до тайника и забрал он товар.

В рамках указанной деятельности прокурорское вмешательство ограничивается только надзором за органами следствия, дознания, а также деятельностью органов местного самоуправления. Вместе с тем, указанная деятельность является также актуальной, так как затрагивает актуальную сферу жизни граждан. Как известно, функции, осуществляемые прокуратурой, подразделяются на следующие направления: надзорные, направления содействия осуществлению правосудия, а также организационные [5, с. 24].

Таким образом, подводя итог следует сказать, что органы прокуратуры наделены широким перечнем полномочий по осуществлению надзора за соблюдением прав и свобод человека в сети Интернет. В рамках указанного надзора органы прокуратуры осуществляют координационную деятельность, принимают меры реагирования по блокировке сайтов, возбуждают административные производства по указанным правонарушениям, а также осуществляют надзор за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания. Вместе с тем, с развитием сети Интернет, разработкой новых путей совершения преступлений, возникает вопрос не только о наличии мер прокурорского реагирования, но и об их эффективности, реальном устранении нарушений закона. Кроме того, существует проблема в определении субъекта правонарушения. Так, по искам прокуроров регулярно принимаются судебные решения о блокировании сайтов, вместе с тем возникают трудности в привлечении в ответственности фактического нарушителя федерального законодательства.

Библиографический список:

1. *Ергашев Е.Р.* Функциональная характеристика современной Российской прокуратуры в теории прокурорского надзора // Вестник Оренбургского госуниверситета. 2006. 175 с.
2. *Паламарчук А. В.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия правонарушениям в сети Интернет // Законность. 2016. № 12. 80 с.
3. *Торговченков В.И., Иванов С.А.* Особенности предупреждения бесконтактных способов сбыта наркотических веществ в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. 106 с.
4. *Григорян Д.К.* Актуальные угрозы современной молодежи: новые технологии распространения наркотических средств // URL: www.journal-nio.com.

References:

1. *Ergashev E.R.* (2006). Functional Characteristics of Modern Russian Prosecutor's Office in the Theory of Prosecutorial Supervision. Bulletin of the Orenburg State University. 175 p.
2. *Palamarchuk A. V.* (2016). Procuratorial supervision over the execution of legislation in the field of counteraction to offences on the Internet // Legality. 12. 80 p.
3. *Torgovchenkov V.I., Ivanov S.A.* (2016). Peculiarities of prevention of contactless methods of sale of narcotic substances in the Russian Federation. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 12. 106 p.
4. *Grigoryan D.K.* Actual threats to modern youth: new technologies of drug distribution. URL: www.journal-nio.com. (accessed 11 March, 2023).

2 (23) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

- journal-nio.com. (дата обращения: 11.03.2023 г.).
5. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник и практикум для академического бакалавриата / под науч. ред. Е.Р. Ергашева. Уральский государственный юридический университет. – М.: Юрайт, 2016. 413 с.
 5. *Ergashev E.R.* (ed.) (2016). Prosecutorial oversight in the Russian Federation: textbook and practical work for academic bachelor. Ural State University of Law. Moscow: Yurite. 413 p.

2 (23) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343.163
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_41

Орищенко Анастасия Сергеевна

anastasiyaorishchenko@yandex.ru
Студент Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической
академии

Спицин Кирилл Олегович

kirr-2001@inbox.ru
Студент Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической
академии

Научный руководитель:

Агапов Дмитрий Александрович

Доцент кафедры земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической
академии
Кандидат педагогических наук

Значение прокурорского надзора в сфере охраны объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения

Для цитирования: Орищенко А. С., Спицин К. О. / Значение прокурорского надзора в сфере охраны объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 41–48.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_41

Аннотация:

В качестве предмета настоящего исследования выступает деятельность территориальных и специализированных органов прокуратуры Российской Федерации по обеспечению охраны объектов животного мира, которые вследствие влияния антропогенного фактора отнесены к категориям редких и находящихся под угрозой исчезновения, а также по предупреждению правонарушений в данной сфере. В ходе исследования анализируется применение органами прокуратуры мер прокурорского реагирования, их эффективность и механизм реализации. В частности, в статье рассматриваются такие виды деятельности прокурора, как подача в суды административных исковых заявлений о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, проведение прокурорских проверок, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в правотворческой деятельности, взаимодействие с институтами гражданского общества по вопросам борьбы с незаконным оборотом редких животных. По результатам анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики авторами формулируются предложения по совершенствованию нормативного правового регулирования деятельности прокуратуры в сфере признания информации запрещенной на территории России в части охраны исчезающих видов животных, а также по развитию прокурорской практики при осуществлении надзора в обозначенной сфере. Кроме того, на протяжении всего исследования авторы, исходя из многоаспектности прокурорского надзора в сфере охраны объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения,

УДК 343.163
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_41

Anastasia S. Orishchenko

anastasiyaorishchenko@yandex.ru
Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office, Student

Kirill O. Spitsin

kirr-2001@inbox.ru
Saratov State Law Academy
Institute of the Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Dmitriy A. Agapov

Assistant professor of the Department of Land and Environmental Law
Saratov State Law Academy
Candidate of Pedagogical Sciences

The importance of prosecutorial supervision in the field of protection of endangered wildlife

For citation: Anastasia S. Orishchenko, Kirill O. Spitsin / The importance of prosecutorial supervision in the field of protection of endangered wildlife // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 41–48.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_41

Abstract:

The subject of this study is the activity of territorial and specialized bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to ensure the protection of wildlife objects that, due to the influence of anthropogenic factors, are classified as rare and endangered, as well as the prevention of offenses in this area. The study analyzes the use of prosecutorial response measures by the prosecutor's office, their effectiveness and the mechanism of implementation. In particular, the article discusses such types of prosecutor's activities as filing administrative claims to the courts for the recognition of information prohibited for distribution on the territory of the Russian Federation, conducting prosecutor's checks, coordinating the activities of law enforcement agencies to combat crime, participating in law-making activities, interaction with civil society institutions on combating illegal trafficking of rare animals. Based on the results of the analysis of regulatory legal acts and law enforcement practice, the authors formulate proposals to improve the regulatory legal regulation of the prosecutor's office in the field of recognition of information prohibited on the territory of Russia in terms of the protection of endangered species of animals, as well as the development of prosecutorial practice in the implementation of supervision in the designated area. In addition, throughout the study, the authors, based on the multidimensional nature of prosecutorial supervision in the field of protection of endangered wildlife, emphasize the special importance of this area of prosecutorial supervision, which is also due to the continuing prevalence of various offenses committed by supervised bodies and institutions that pose a direct threat to the conservation of individual animal populations.

подчеркивают особую значимость данного направления прокурорского надзора, которая также обусловлена сохраняющейся распространенностью различных правонарушений, допускаемых поднадзорными органами и учреждениями, создающих прямую угрозу для сохранения отдельных популяций животных.

Ключевые слова:

прокуратура, прокурорский надзор, объекты животного мира, Красная книга, исчезающие виды животных.

Keywords:

prosecutor's office, prosecutor's supervision, wildlife objects, Red Book, endangered species of animals.

Животный мир в соответствии с российским экологическим законодательством является частью окружающей среды, которая включает в себя совокупность компонентов природной среды. Компоненты же природной среды наряду с землей, недрами, почвой и другими представлены также животным миром¹, являющимся совокупностью живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации². При этом важно понимать, что любое негативное воздействие на атмосферный воздух, воду, землю и др. неизбежно влияет на животный мир [1, с. 38], а потому, когда речь идет о защите животных, затрагивается более широкий вопрос – охраны окружающей среды.

В XXI веке проблема защиты объектов животного мира является еще более насущной, чем в другие времена, поскольку влияние антропогенного фактора на окружающую среду, в частности, на животный мир, приобрело больший размах в связи с развитием технологий и увеличением населения планеты. Такое влияние человека выражено различными его действиями, например, ведением промысловой охоты, вырубкой лесов, добычей полезных ископаемых, осушением болот, применением ядохимикатов в сельском хозяйстве. При этом особо опасно то, что деятельность человека способна приводить к исчезновению целых видов животных. В Российской Федерации данной проблеме уделяется отдельное внимание, в том числе, на нормативно-правовом уровне посредством закрепления отдельных норм об охране редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира, перечень которых определен в Красных книгах Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и Перечне видов животных и растений, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (далее – СИТЕС).

Соответственно, полномочия по контролю за соблюдением соответствующих норм и их применению возложены на специализированные органы. Однако отдельно следует рассмотреть значение органов прокуратуры как надзорного органа в указанной сфере, проанализировав положительные примеры реализации предоставленных полномочий и возможность расширения направления прокурорской деятельности в обозначенной сфере.

Так, в Указе Президента РФ от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»³ указы-

1 Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

2 О животном мире: федер. закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1462.

3 О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Рос. Федерации от 19.04.2017 № 176 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

вается на приоритетность направления по расширению мер по сохранению биологического разнообразия, в том числе редких и исчезающих видов растений, животных и других организмов, среды их обитания, а также развитие системы особо охраняемых природных территорий. Представляется, что одной из мер, которая позволяет сохранять биологическое разнообразие, является активизация прокурорского надзора в сфере охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных.

С целью достижения целей и задач указанной стратегии Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 15 апреля 2021 года № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере»⁴ прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства был определен как одно из приоритетных направлений надзора с указанием основных путей реализации предоставленных прокурорам полномочий. В силу п. п. 3.1 и 3.17 данного Приказа всем прокурорам предписано с учетом складывающейся обстановки обеспечить эффективный надзор за исполнением законов, в том числе об охране объектов животного мира, проводя проверки исполнения законодательства об охоте и о рыболовстве, о сохранении охотничьих ресурсов, об ответственном обращении с животными. При этом отдельно обращается внимание на пресечение мерами прокурорского реагирования нарушений, связанных с посягательствами на редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и водные биологические ресурсы, среду их обитания, с размещением объектов и осуществлением работ, способных оказать негативное воздействие на них и на среду их обитания.

Кроме того, в Приказе Генеральной прокуратуры № 198 обращается особое внимание на реализацию прокурорами полномочий для признания запрещенной к распространению информации, размещенной в сети Интернет, об оказании посреднических услуг по организации незаконной охоты и рыбалки, о реализации контрафактной продукции, орудий незаконного промысла, о незаконных способах добычи животных, и ограничения доступа к ней. При этом практика применения данной меры реагирования имела место до принятия указанного Приказа, в связи с чем можно сделать вывод, что данное положение является результатом обобщения положительной прокурорской практики.

Данная практика следует из следующих нормативно-правовых установлений. В соответствии со ст. 24 Федерального закона «О животном мире» оборот объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, допускается на основании разрешения, выдаваемого Федеральной службой по надзору в сфере природопользования в порядке, установленном Постановлением Правительства РФ от 11.03.2022 № 343⁵. Содержание же таких животных в неволе и выпуск их в естественную природную среду также допускаются в случаях, установленных вышеуказанным Постановлением. Разрешение на вывоз из РФ и ввоз на ее территорию видов животных, предусмотренных СИТЕС, также выдает Росприроднадзор, который выступает Административным органом СИТЕС в России⁶. Таким образом, распространение информации об обороте ред-

4 Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере: Приказ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 15.04.2021 № 198 // Законность. № 6. 2021.

5 Об утверждении Правил выдачи разрешения на оборот объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 11.03.2022 № 343 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 12. Ст. 1830.

6 Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по исполнению государственной функции по выдаче разрешения на вывоз из Российской Феде-

ких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных с нарушением данных нормативных правовых актов является нарушением законодательства, а также способствует совершению административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.35 КоАП РФ⁷, и преступления, установленного в ст. 258.1 УК РФ⁸, следовательно, такую информацию следует признавать запрещенной к распространению на территории РФ.

Так, в 2016 году Хабаровский межрайонный природоохранный прокурор, выявив факт размещения в сети «Интернет» объявления о торговле редкими видами животных – самкой кречета – добился в судебном порядке признания такой информации запрещенной на территории Российской Федерации⁹, в 2017 – прокурор Прикубанского административного округа г. Краснодара путем подачи административных исковых заявлений также признал информацию о торговле красным волком, леопардом, уткой мандаринкой, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, и добился ограничения доступа к соответствующим Интернет-ресурсам¹⁰. Кроме того, в качестве более актуальных примеров можно привести то, что в 2020 году прокурор Дульдургинского района Забайкальского края добился признания запрещенной к распространению информации о торговле сигом, сибирским осетром и стерлядью¹¹, а в 2022 прокурор Пеновского района Тверской области в судебном порядке признал информацию о продаже длиннохвостой (уральской) неясyti запрещенной¹².

Тем самым, несмотря на давность и эффективность реализации прокурорскими полномочиями о признании рассмотренной информации в сети Интернет запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, случаи ее размещения не встречаются реже. Соответственно, изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования, поскольку, как думается, данная мера имеет высокий превентивный потенциал в части распространения нарушений законодательства.

В первую очередь, следует рассмотреть включение в обобщающее понятие «распространяемая с нарушением закона информация», предусмотренное в ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹³, также информации о незаконном обороте редких и

рации и ввоз на ее территорию видов животных и растений, их частей или полученной из них продукции, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., кроме осетровых видов рыб: Приказ Минприроды РФ от 27.02.2008 № 47 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 25.

- 7 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
- 8 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
- 9 Разъяснения Хабаровской межрайонной природоохранной прокуратуры // Официальный сайт администрации муниципального района им. Лазо. URL: <https://lazoadm.khabkrai.ru/Important/Prokurorgazyasnyuet/981> (дата обращения: 27.03.2023).
- 10 Новости Прокуратуры Краснодарского края // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_23/mass-media/news/archive?item=34654097 (дата обращения: 27.03.2023 г.).
- 11 Решение Дульдургинского районного суда Забайкальского края от 03.01.2020 № 2А-130/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eFV9gyWWtXJO/> (дата обращения: 27.03.2023).
- 12 Новости Прокуратуры Тверской области // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://erp.genproc.gov.ru/web/proc_69/mass-media/news/reg-news?item=75254103 (дата обращения: 27.03.2023).
- 13 Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

находящихся по угрозой исчезновения видов животных. В таком случае порядок признания такой информации запрещенной к распространению на территории РФ и ограничения к ней доступа упростится, а сроки сократятся, поскольку отпадет надобность обращения в суд и процесс будет происходить в рамках одной системы в соответствии Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 26 августа 2019 года № 596¹⁴.

Кроме того, в целях исключения указанных случаев представляется целесообразным рассмотреть возможность возложения на операторов информационных систем и владельцев сайтов в сети Интернет обязанности по анализу информации, размещаемой пользователями, и при выявлении нарушений законодательства, в частности, рассмотренных выше, запрета ее опубликования, а на случай невыполнения данной обязанности установить административную ответственность. Однако для того, чтобы данная мера не легла исключительно на плечи указанных лиц и не повлекла распространения неблагоприятной правоприменительной практики, следует разработать обобщенный перечень информации, запрещенной к распространению на территории РФ, исходя из сложившейся правоприменительной и прокурорской практики. Так, данный перечень мог бы стать полезным при разработке технических решений операторами информационных систем и владельцами сайтов в сети Интернет по распознаванию информации и отнесению ее к числу запрещенной для распространения. При этом на случай возникновения трудностей при оценке соответствующей информации следует установить предпочтение возможности ее размещения в соответствии с принципом свободы распространения информации, но с необходимостью направления уведомления в уполномоченные органы для проведения проверки, в том числе, посредством назначения экспертизы и оценки ее результатов.

Органы прокуратуры для обеспечения законности в рассматриваемой сфере также пользуются полномочиями на проведение проверок, в результате которых нередко выявляются нарушения законодательства в вопросе содержания редких животных, которые включены в Красные книги РФ, субъектов РФ или СИТЕС. При этом верно организованное взаимодействие прокуратуры со специализированными контрольными органами гарантирует эффективную реализацию полномочий по выявлению нарушений закона [2]. Так, прокуратура г. Москвы в ходе проверки установила, что в зоомагазине продаются Игрушки обыкновенные белоухие, Тамарин Эдипов, включенные в СИТЕС, при отсутствии у владельца магазина документов, подтверждающих их происхождение и законность приобретения. По информации прокуратуры г. Москвы Таганская межрайонная прокуратура с участием специалистов в результате выездного обследования изъяла указанных животных, которые впоследствии были переданы в государственный зоопарк¹⁵.

Таким образом, можно отметить эффективность прокурорских проверок субъектов предпринимательской деятельности, которая связана с оборотом животных. При этом для повышения результатов в этом направлении органам прокуратуры следует во всех случаях получения информации о подобных нарушениях организовывать выездные проверки с участием специалистов, чтобы

14 Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»: Приказ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 26.08.2019 № 596 // Законность. 2019. № 10.

15 Новости Управления Генеральной прокуратуры РФ по ЦФО // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/mass-media/news/news-regional?item=84086437 (дата обращения: 27.03.2023).

избежать такого риска документарной проверки, как отсутствие документационного учета таких животных. Кроме того, в целях получения актуальных сведений о правовой обстановке на поднадзорной территории в рассматриваемой сфере прокурорам следует обладать информацией о выданных Росприроднадзором разрешениях поднадзорным объектам.

Кроме того, прокурор посредством полномочия по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в частности, создания рабочих групп или созыва координационных совещаний, может акцентировать внимание соответствующих органов на проблемные вопросы. Одним из таких вопросов является незаконный ввоз или вывоз объектов животного мира, включенных в СИТЕС. Способы контрабанды различны, например, 5,5 килограмма сушеного трепанга гражданин Китая примотал скотчем к ногам, 500 граммов женьшеня – к животу, а женщина попыталась ввезти обезьяну, примотав ее скотчем к бедру, которую выявили по торчащему из-под юбки хвосту. Также на практике имеют место случаи масштабного незаконного экспорта посредством создания фиктивных документов, создающих видимость легальности соответствующей деятельности [3, с. 203]. Важно учитывать, что работу по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью осуществляют прокуроры всех уровней [4], в особенности природоохранные, что обусловлено целью их создания.

Думается, что именно органы прокуратуры с помощью координации деятельности правоохранительных органов способны улучшить сложившуюся ситуацию. Достигнуть данную цель представляется возможным благодаря анализу правоприменительной практики и разработке новых мер борьбы с преступностью в этой сфере, проведению совместных операций и мероприятий по выявлению и пресечению подобных нарушений.

Также в юридической литературе отмечают, что контрабанда образцов СИТЕС свидетельствует об отсутствии надлежащей охраны дикой флоры и фауны, о возможности беспрепятственного отлова образцов СИТЕС [4, с. 205]. Для устранения данного фактора органы прокуратуры, являясь надзирающим органом, способным давать оценку деятельности органов государственного контроля (надзора), в том числе, в сфере охотничьего надзора, могут проводить проверки эффективности реализации полномочий в обозначенной сфере, принимать меры реагирования или вносить соответствующие предложения по совершенствованию деятельности органов государственного контроля (надзора).

Значимы полномочия прокурора по участию в правотворческом и законотворческом процессе субъектов Российской Федерации. Так, в 2022 году прокурор Саратовской области выступил с инициативой расширения административной ответственности путем введения наказания также за действия (бездействие), которые могут привести к гибели, сокращению численности либо нарушению среды обитания животных, занесенных в Красную книгу Саратовской области¹⁶. В настоящее время данное предложение учтено: так, в ст. 9.1 Закона Саратовской области «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области» предусмотрена ответственность не только за уничтожение таких животных, но и за совершение обозначенных выше действий¹⁷. Таким образом,

16 Новость «Прокурор смотрит в Красную книгу» // Официальный сайт издательского дома «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5514328> (дата обращения: 27.03.2023).

17 Об административных правонарушениях на территории Саратовской области: закон Саратовской области // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6400202302030012> (дата обращения: 27.03.2023).

право законодательной инициативы прокуроров позволяет актуализировать региональное законодательство и приводить его в логическое единство с федеральным, поскольку в КоАП РФ ответственность за такие действия в отношении видов животных, занесенных в Красную книгу РФ, установлена с момента вступления его в силу. Реализация данного полномочия должна являться повсеместной практикой на территории Российской Федерации, поскольку, например, ст. 11 Закона Свердловской области «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области»¹⁸ не предусматривает ответственности за рассмотренные действия, а аналогичный Закон Магаданской области¹⁹ и вовсе не содержит норм об ответственности за какие-либо посягательства на виды животных, занесенные в Красную книгу Магаданской области, что не отвечает цели по охране таких животных.

Помимо изложенного, следует отметить возможности органов прокуратуры по взаимодействию с представителями гражданского общества в сфере борьбы с незаконным оборотом редких животных. В п. 1 Приказа Генеральной прокуратуры РФ № 198 отмечается, что надзор за исполнением законодательства в экологической сфере следует осуществлять комплексно, гласно, с максимальным использованием возможностей институтов гражданского общества. Именно такое взаимодействие позволяет органам прокуратуры зачастую получать достоверную и актуальную информацию о состоянии законности и результатах исполнения мер прокурорского реагирования, в том числе, органами государственного контроля (надзора). В связи с этим, представляется уместным предусмотреть регулярные рабочие встречи с представителями гражданского общества именно по вопросам экологии, в частности, сохранения биологического разнообразия.

В качестве примера целесообразности реализации данного предложения можно привести проведение в 2018 году во Владивостокской межрайонной природоохранной прокуратуре совещания с представителями общественных и некоммерческих организаций по проблеме содержания живых диких животных в полувольных условиях. Так, в результате рабочей встречи были выработаны соответствующие предложения, например, о необходимости разработки на региональном уровне нормативного документа, устанавливающего порядок содержания диких животных в полувольных условиях и в неволе, а также осуществлен обмен опытом, акцентировано внимание на немедленное информирование органов прокуратуры о нарушениях в обсужденной сфере²⁰. Без сомнений, значение подобных встреч нельзя недооценивать.

Рассмотрев полномочия органов прокуратуры и примеры их реализации в сфере охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, можно с полной уверенностью заявить о важности прокурорского надзора в указанной сфере. Так, комплекс доступных прокурорам мер позволяет им полно и всесторонне рассматривать ситуацию, своевременно реагировать на нарушения и предупреждать их совершение в дальнейшем, что находит также свое

18 Об административных правонарушениях на территории Свердловской области: закон Свердловской области от 14.06.2005 № 52-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=160023207&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 27.03.2023).

19 Об административных правонарушениях в Магаданской области: закон Магаданской области от 15.03.2005 № 583-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=183022598&backlink=1&nd=183019775> (дата обращения: 27.03.2023).

20 Вопросы рабочей встречи Владивостокского природоохранного прокурора с представителями общественности // Официальный сайт Ассоциации марикультурных организаций Приморского края. URL: <http://amkordv.ru/news/Rabochaya-vstrecha-Vladivostokskogo-prirodookhrannogo-prokurora-s-predstavitelnyami-obshchestvennosti/> (дата обращения: 27.03.2023).

подтверждение в науке прокурорского надзора [5, с. 200]. При этом некоторые вопросы прокурорской практики требуют совершенствования как с позиции правового регулирования, так и с практической точки зрения. Деятельность в этом направлении должна иметь системный и согласованный характер, чтобы добиться применения наилучших практик прокурорской деятельности на всей территории Российской Федерации.

Библиографический список:

1. *Какителашвили М.М., Добрецов Д.Г.* Некоторые вопросы применения административной ответственности за нарушения законов в сфере охраны животного мира // Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе: сб. материалов круглого стола (Москва, 26 октября 2018 г.) / под общ. ред. Н.В. Субановой; сост. и науч. ред. М.В. Маматов, О.В. Боброва. Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. С. 32-39.
2. *Саулин М.Ю.* Взаимодействие органов прокуратуры с другими государственными органами и правозащитными организациями при осуществлении надзора за исполнением законодательства о животном мире // Общество: политика, экономика, право. 2014. №1. С. 161-167.
3. *Диканова Т.А.* Проблемы борьбы с контрабандой объектов СИТЕС // Охрана объектов животного мира: правовые и организационные аспекты: сб. науч. трудов / под общ. ред. А.Ю. Винокурова. – М.: РИТМ, 2016. С. 188-211.
4. *Добрецов Д.Г., Игонина Н.А., Какителашвили М.М.* Координация природоохранными прокурорами деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью // Мониторинг правоприменения. 2017. №2 (23). С.29-36.
5. *Саулин М.Ю.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства о животном мире: вопросы эффективности // Matters of Russian and International Law. 2015. № 10. С. 194-203.

References:

1. *Kakitelashvili M.M., Dobretsov D.G.* (2018). Some issues of the application of administrative responsibility for violations of laws in the field of wildlife protection. Problems of the implementation of the prosecutor's powers in civil, administrative and arbitration proceedings: collection of materials of the round table. P. 32-39.
2. *Saulin M.IU.* (2014). Interaction of the prosecutor's office with other state bodies and human rights organizations in the supervision of the implementation of legislation on wildlife. Society: politics, economics, law. 1. P. 161-167.
3. *Dikanova T.A.* (2016). Problems of combating smuggling of CITES objects. Protection of wildlife objects: legal and organizational aspects: collection of scientific works. P. 188-211.
4. *Dobretsov D.G., Igonina N.A., Kakitelashvili M.M.* (2017). Coordination by environmental prosecutors of the activities of law enforcement agencies to combat environmental crime. Monitoring of law enforcement. 2 (23). P. 29-36.
5. *Saulin M.IU.* (2015). Prosecutor's supervision over the execution of legislation on the animal world: questions of effectiveness. Matters of Russian and International Law. 10. P.194-203.

2 (23) 2023

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 342.7
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_49

Узденова Фатима Иссаевна

patysha@inbox.ru
Студент юридического факультета Российского государственного университета правосудия

Научный руководитель:

Ващекина Ирина Викторовна

Доцент кафедры информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия

Отдельные вопросы гендерного равенства в практике Конституционного Суда Российской Федерации

Узденова Ф. И. / Отдельные вопросы гендерного равенства в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 49–53.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_49

Аннотация:

Конституция Российской Федерации закрепляет один из важнейших правовых постулатов, определяющих не только демократию в современном обществе, но и возможность дальнейшего развития, – принцип гендерного равенства. Это выражено в части 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации и не только подразумевает равенство прав, но и подчеркивает необходимость равенства свобод мужчин и женщин. Категория «гендерное равенство», введенная в понятийный аппарат международного публичного права и конституционного права некоторых стран, динамично развивается и институционализируется. В статье исследуются отдельные вопросы гендерного равенства в практике Конституционного Суда РФ. Рассмотрены подходы Конституционного Суда РФ в вопросах равенства прав мужчин и женщин в сфере социального обеспечения, трудового права, семейного права, а также при назначении наказания за преступления. В статье представлены результаты анализа практики Конституционного Суда РФ по различным вопросам дискриминации по признаку пола. В статье выделены несколько ключевых особенностей этой практики. Анализ выявляет, в частности, существующий серьезный дисбаланс в количестве дел, которые Конституционный Суд РФ должен был разрешить на основании жалоб женщин и мужчин, и значительное влияние концепции «особого обращения», обусловленной гендерными стереотипами, на результаты рассмотрения таких дел. Практика Конституционного Суда РФ в настоящее время формируется под значительным влиянием сложившихся стереотипов о гендерных ролях, которые не являются константой, и развитие общества может повлечь за собой некоторое смещение акцентов в решениях Конституционного Суда РФ. Статья направлена на изучение влияния гендерных стереотипов на реализацию принципов равенства и запрета гендерной дискриминации в российском конституционном праве.

Ключевые слова:

гендер, гендерное равенство, равенство возможностей, дискриминация, гендерные стереотипы.

УДК 342.7
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_49

Fatima I. Uzdеноva

patysha@inbox.ru
Law Faculty, student
Russian State University of Justice (Moscow)

Academic Supervisor:

Irina V. Vashchekina

Associate Professor of the Department of Information Law, Computer Science and Mathematics of the Russian State University of Justice

Separate Issues of Gender Equality in the Practice of the Constitutional Court of The Russian Federation

Fatima I. Uzdеноva / Separate issues of gender equality in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 49–53. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_49

Abstract:

The Constitution of the Russian Federation enshrines one of the most important legal postulates that determine not only the democracy of modern society, but also the possibility of further development – the principle of gender equality. This is expressed in part 3 of Article 19 of the Constitution of the Russian Federation and implies not only equality of rights, but also emphasizes the need for equality of freedom of men and women. The category of «gender equality», introduced into the conceptual apparatus of public international law and constitutional law of some countries, is dynamically developing and institutionalized. The article examines certain issues of gender equality in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. The approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation in matters of equality of rights of men and women in the field of social security, labor law, family law, as well as in sentencing for crimes are considered. The article presents the results of the analysis of the practice of the Constitutional Court on various issues of gender discrimination. The article highlights several key features of this practice. The analysis reveals, in particular, the existing serious imbalance in the number of cases that the Constitutional Court had to resolve on the basis of complaints from women and men, and the significant impact of the concept of «special treatment» due to gender stereotypes on the results of consideration of such cases. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is currently being formed under the significant influence of established stereotypes about gender roles, which are not constant, and the development of society may entail a certain shift in emphasis in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The article is aimed at studying the influence of gender stereotypes on the implementation of the principles of equality and the prohibition of gender discrimination in Russian constitutional law.

Keywords:

gender, gender equality, equality of opportunity, discrimination, gender stereotypes.

В наши дни выражение «гендерное равенство» нередко употребляется в повседневной жизни, поскольку является одним из важнейших прав человека, выполняющих ключевую роль в формировании полноценной структуры общества, обеспечивающих всестороннюю реализацию человеческого потенциала, задающих вектор дальнейшего устойчивого развития. Конституцией Российской Федерации принцип гендерного равенства закрепляется как правовой постулат – важнейшее положение, отражающее степень демократичности современного общества. Он выражен в ч. 3 ст. 19 Конституции РФ и указывает не просто на равенство прав и свобод мужчин и женщин – он подчеркивает необходимость равенства возможностей для их реализации. Отметим, что категория «гендерное равенство», введенная в конституционные отрасли права некоторых стран, не является статичной, поскольку это понятие меняется по мере развития общественных отношений. Актуальность настоящего исследования обуславливается необходимостью адекватного рассмотрения ситуации, складывающейся в российском обществе и за рубежом на фоне возникновения новых представлений о гендере и гендерном равенстве.

С древнейших времен мужчины и женщины выполняют свою деятельность в соответствии со своими антропологическими возможностями, которые передавались из поколения в поколение и закреплялись в качестве основной модели поведения. Постепенно возникла традиция распределения обязанностей и были установлены нормы отношений между женским и мужским полом, в которых первый в большинстве случаев оказался в подчиненном или ущемленном положении относительно второго.

Очевидно, что первичной точкой для преодоления любой дискриминации является предоставление равенства возможностей. Отсутствие дискриминации создает условия для реализации основных прав человека, необходимых, например, для осуществления трудящимися свободного выбора места работы, полноценного развития своего потенциала и получения достойной платы за труд. Легко видеть, как на протяжении XX века во многих странах развитие трудовых отношений постепенно привело общество к пониманию непреложного факта, что обеспечение равенства на рабочем месте приносит значительные экономические выгоды не только для работника, но и для работодателя, а также для общества в целом. Точно так же право не должно различать особые привилегии для мужчин или женщин.

В XXI веке, на этапе цифровизации общества, у каждого индивида появляются многократно большие, к тому же непрерывно возрастающие возможности для реализации своих прав [1, с. 129]. Современные женщины могут объединяться в информационные сообщества, причем не только в пределах своих стран, но и в глобальной сети. Эти объединения способны оказывать значительную помощь своим членам в обеспечении реализации их прав, как советами, так и действиями в правовом поле.

В России особая роль в толковании отдельных аспектов различного правового положения мужчин и женщин в России принадлежит Конституционному Суду РФ (далее – КС РФ), в практике которого можно выделить дела, которые касались вопросов гендерного равенства при реализации прав в сфере социального обеспечения, в сфере семейного права, в сфере труда, в сфере назначения и отбывания наказания и других.

Рассмотрим подходы КС РФ в вопросах равенства прав мужчин и женщин в сфере социального обеспечения. Согласно п. 1 ст. 39 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, предусмотрен-

ных законом.

В настоящее время в системе пенсионного обеспечения как элемента социальных гарантий наличествует существенная дифференциация, которая стала предметом рассмотрения КС РФ в деле об отказе принятия к рассмотрению жалобы Н.Г. Рязанова, указывающего на существование дискриминации при назначении страховых пенсий по старости¹. По мнению заявителя, нормы, устанавливающие разный возраст, по достижению которого возникает право на получение пенсии по старости, нарушает ч. 3 ст. 19 Конституции РФ и ущемляет права мужчин.

КС РФ в своем Определении указал, что законодатель, применил в данном случае дифференциацию, основанную на физиологических различиях между мужчиной и женщиной, большей подверженности женского организма неблагоприятным производственным факторам, а также исходя из особой социальной роли женщины в обществе. Такое правовое регулирование, направленное на обеспечение женщинам равных с мужчинами возможностей, в реализации конституционного права на пенсионное обеспечение и на достижение фактического равенства, не может рассматриваться как нарушающее права заявителя в указанном в жалобе аспекте.

Современные ученые-правоведы отмечают, что вопросы социального обеспечения, связанные с воспитанием детей в части предоставления льгот одному из родителей, в настоящее время актуализируются. Гарантии, предоставляемые женщинам и мужчинам, имеющим малолетних детей, не одинаковы, что нарушает права отцов. Высказывается мнение, что предоставление одному из родителей каких-либо льгот, связанных с воспитанием детей, должно зависеть не от пола, а от самой функции, которую выполняет тот или иной родитель [2, с. 96].

Заметим, однако, что КС РФ в своих решениях требует обоснованности дифференцированного подхода законодателя в данной сфере. В качестве примера возможно обратиться к решениям КС РФ по вопросу предоставления отпуска по уходу за ребенком родителям, являющимся военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов. КС РФ указывает на специфику деятельности граждан на должностях военной и правоохранительной службы в государственных органах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина. Несение данных видов служб является добровольным, и поэтому мужчина (отец) может сделать выбор в пользу семьи и уволиться². Интересно, что в данном случае не рассматривается ситуация, когда служащим силовых структур является женщина (мать).

Непростой для разрешения также оказалась проблема обеспечения права на получение дополнительных мер государственной поддержки лицам, имеющим детей. Согласно действующему правовому регулированию, женщины имеют определенные преимущества в данной сфере перед мужчинами. Анализ практики КС РФ свидетельствует о существенном ограничении прав отцов, чьи супруги по установленным законом причинам не имеют права получить материнский (семейный) капитал. Так, КС РФ в ряде своих решений последовательно подчеркивает, что по общему правилу право мужчины на дополнительные меры государственной поддержки по случаю рождения ребенка (детей) является про-

1 Определение КС РФ от 19.12.2017 г. 2914-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29. Ст. 3058.

2 Определение КС РФ от 5.03.2009 г. № 377-О-О // URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05032009-n/> (дата обращения: 15.02.2023). Определение КС РФ от 29.09.2011 г. № 1052-О-О // URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29092011-n-1052-o-o-ob/> (дата обращения: 15.02.2023).

изводным от права женщины и может быть реализовано лишь в случае, когда возникшее у женщины право на указанные меры прекратилось по основаниям, предусмотренным законом (в связи со смертью женщины, объявлением ее умершей, лишением родительских прав и в других ситуациях отсутствия у ребенка (детей) материнского попечения). Согласно позиции КС РФ, данное право мужчины не является производным от права женщины только тогда, когда он является единственным усыновителем ребенка (детей) и в этом случае он может претендовать на получение государственной поддержки в виде материнского (семейного) капитала. А в случае, если мужчина является единственным отцом детей, рожденных для него суррогатной матерью, право на такую государственную поддержку у него не возникает, и по мнению КС РФ, этот подход не является дискриминационным.

Согласно позиции КС РФ, такое правовое регулирование обусловлено различиями в видах социального риска, которым подвержены мужчины и женщины, а также основаниями возникновения правоотношений по воспитанию детей. Само по себе оно не противоречит закрепленному в Конституции РФ принципу равенства мужчины и женщины, действующему при реализации прав, гарантированных статьями 38 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции РФ³.

Надо отметить, что в России за последние десятилетия сложилась своеобразная, хотя и не уникальная, практика реализации концепции социального государства: многие несовершенства законодательства в значительной степени компенсируются широким спектром социальных программ, которые осуществляют бизнес-структуры, в самых различных направлениях, в том числе и в обеспечении малоимущих семей, развития детей-инвалидов, поддержки родителей-одиночек и т.п. [3].

КС РФ в своих решениях также неоднократно обращался к вопросу о равенстве прав мужчин и женщин в сфере труда. В научной юридической литературе отмечается, что неблагоприятные производственные факторы также представляют собой достаточно интересную категорию, позволившую законодателю ввести специальный перечень профессий, на которых запрещено применение труда женщин в связи с оказанием особого влияния данных факторов на женское репродуктивное здоровье. Ряд исследований объективно демонстрирует, что указанные факторы (в частности, уровень опасного излучения, вибрации, работа с вредными веществами и др.) оказывают влияние не только на репродуктивное, но и на общее физическое здоровье человека, т.е. мужчин и женщин в равной степени [4; С. 57].

Правовые позиции КС РФ по данному вопросу начали формироваться во время рассмотрения жалобы А.Ю. Клевец. Заявительница просила признать противоречащими положениям Конституции РФ правовые нормы, запрещающие применение труда женщин в должности машиниста электропоезда и его помощника. КС РФ в данном деле отметил, что Трудовой кодекс РФ ограничивает использование труда женщин на тяжелых работах, работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на подземных работах, т.е. в условиях, оказывающих неблагоприятное влияние на женский организм, и имеет целью оградить репродуктивное здоровье женщины от воздействия вредных производственных факторов⁴.

3 Постановление КС РФ от 29.06.2021 г. № 30-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388562/ (дата обращения: 15.02.2023). Определения Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1518-О // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71027034/> (дата обращения: 15.02.2023).

4 Определение КС РФ от 22.03.2012 № 617-О-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29. Ст. 3058.

КС РФ не раз высказывался и по поводу имеющихся различий в области назначения и отбывания наказаний между мужчинами и женщинами. В данной категории дел также КС РФ не находил оснований для признания норм дискриминационными⁵. Установление более льготных условий отбывания наказания для осужденных женщин, по мнению КС РФ, например, является проявлением гуманизма по отношению к ним и не может расцениваться как нарушение конституционных прав иных категорий осужденных, в том числе мужчин. Следует отметить, что с таким подходом согласны немногие [5, с. 9].

В юридической науке отмечается, что практика КС РФ в настоящее время формируется под значительным влиянием сложившихся стереотипов о гендерных ролях, среди которых – особая роль женщин в воспитании детей, требующая особого к ним отношения [6, с. 89]. Это обстоятельство, однако, не также не является константой, и по мере развития общества нам следует ожидать количественного возрастания отцов, воспитывающих детей дома, и матерей, обеспечивающих основной доход семьи, что может повлечь за собой и некоторое смещение акцентов в решениях КС РФ. Тем не менее, вряд ли мы станем свидетелями решений, отражающих правовое отрицание особой роли женщин в семье: эта роль определяется физиологическими различиями мужчины и женщины, поскольку только последние обеспечивают деторождение.

Библиографический список:

1. Ващекин А. Н., Дзедзинский А. В. Проблемы правового регулирования отношений в цифровом пространстве // Правосудие. 2020. Т. 2. № 2. С. 126-147.
2. Торосян Р.А. Вопросы социального обеспечения мужчин в решениях КС РФ и ЕСПЧ // Известия Саратовского университета. 2017. №1. С. 96-103.
3. Vashchekina I. V., Vashchekin A. N. (2016). Social responsibility policy of Russian credit organizations in a recession. *European Journal of Natural History*. 3. P. 106–110.
4. Мануева Р.С. Влияние условий труда на состояние здоровья работающих. Основные направления в работе цехового врача: учебно-методическое пособие для студентов медицинского вуза. Иркутск. 2010. №45. 33 с.
5. Караманукян Д.Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в РФ // Вестник Омской юридической академии. 2019. №1. С. 6-12.
6. Подоплелова О.Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения» // СКО. 2018. №3 (124). С.73-90.

References:

1. Vashchekin A. N., Dzedzinsky A.V. (2020). Problems of legal regulation of relations in the digital space. *Justice*. 2. P. 126-147.
2. Torosyan R.A. (2017). Issues of men's social security in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR. *Izvestiya Saratov University*. 1. P. 96-103.
3. Vashchekina I. V., Vashchekin A. N. (2016). Social responsibility policy of Russian credit organizations in a recession. *European Journal of Natural History*. 3. P. 106-110.
4. Manueva R.S. (2010). The influence of working conditions on the health of workers. The main directions in the work of a shop doctor: an educational and methodological manual for students of a medical university. RIO GOU VPO IGMU. 45. 33 p.
5. Karamanukyan D.T. (2019). Legislative prerequisites for gender discrimination in the Russian Federation. *Bulletin of the Omsk Law Academy*. 1. P. 6-12.
6. Podoplelova O.G. (2018). Gender stereotypes in the constitutional law of Russia: the trap of a «special relationship». *SKO*. 3 (124). P. 73-90.

5 Постановление КС РФ от 11.05.2017 г. № 13-П // «Российская газета», № 110, 24.05.2017 г.

УДК 341.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_54

Туркина Диана Андреевна

turkina.di@mail.ru
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Чернигова София Андреевна

sofia_chernigova@mail.ru
Студент Института государственного и
международного права Уральского государственного
юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:

Чуркина Людмила Михайловна

Доцент кафедры международного и европейского
права Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат
юридических наук

**Гражданско-правовые
аспекты международного
похищения детей**

Туркина Д.А., Чернигова С.А. / Гражданско-правовые
аспекты международного похищения детей // Уралский журнал правовых исследований. 2023. № 2.
С. 54–59. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_54

Аннотация:

В последнее время процессы по изменению состава семьи, равно как и рост интенсивности миграции населения, привели к резкому увеличению количества споров о детях, разрешение которых в рамках одной юрисдикции стало крайне затруднительным, а зачастую и невозможным. В данной статье рассматривается одна из главных и актуальных проблем в сфере международных частно-правовых отношений, затрагивающей интересы самой уязвимой демографической группы в мире, а именно похищение детей одним из родителей, помимо воли другого. Распространение влияния прав человека на различные области международного права, в том числе и на вопросы, которые относятся к сфере семейного права, служит одновременно следствием глобализации, и препятствием для нее. Соприкасаясь с семейным правом, право человека часто вступает с ним в конфликт. При этом большое значение в деле защиты уязвимых членов семьи имеет то, что уже сейчас права человека стали механизмом оспаривания традиционного разделения на частное/публичное - нормы права прав человека все чаще применяются к вопросам, входящим в область регулирования семейного права, включая права родителей на осуществление опеки над ребенком как в теории, так и на практике. Процессы по изменению состава семьи, равно как и рост интенсивности миграции населения, привели к резкому увеличению количества споров о детях, разрешение которых в рамках одной юрисдикции стало крайне затруднительным, а зачастую и невозможным. В этой связи правильное применение норм международных договоров обеспечивает справедливое решение споров, возникающих между сторонами в судебном разбирательстве. Авторы основываются на практике применения Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года. В статье приводятся примеры практического применения положений Конвенции судами Российской Федерации, а также Европейским судом по правам человека.

УДК 341.2
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_54

Diana A. Turkina

turkina.di@mail.ru
V.F. Yakovlev Ural State Law University
Institute of State and International Law, Student

Sofia A. Chernigova

sofia_chernigova@mail.ru
V.F. Yakovlev Ural State Law University
Institute of State and International Law, Student

Academic Supervisor:

Ludmila M. Churkina

Assistant professor of Civil Law department
V.F. Yakovlev Ural State Law University
Candidate of Juridical Sciences

**Civil law aspects of
international child abduction**

Diana A. Turkina, Sofia A. Chernigova / Civil law
aspects of international child abduction // Ural Journal
of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 54–59.
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_54

Abstract:

Recently, the processes of changing the composition of the family, as well as the increase in the intensity of population migration, have led to a sharp increase in the number of disputes about children, the resolution of which within one jurisdiction has become extremely difficult, and often impossible. This article examines one of the main and urgent problems in the field of international private law relations affecting the interests of the most vulnerable demographic group in the world, namely the abduction of children by one parent, against the will of the other. The spread of the influence of human rights on various areas of international law, including issues related to family law, is both a consequence of globalization and an obstacle to it. In contact with family law, human rights often come into conflict with it. At the same time, it is of great importance in protecting vulnerable family members that human rights have already become a mechanism for challenging the traditional division into private/public - human rights law is increasingly being applied to issues within the field of family law regulation, including the rights of parents to exercise custody of a child both in theory and in practice. The processes of changing the composition of the family, as well as the increase in the intensity of population migration, have led to a sharp increase in the number of disputes about children, the resolution of which within one jurisdiction has become extremely difficult, and often impossible. In this regard, the correct application of the norms of international treaties ensures a fair resolution of disputes arising between the parties in court proceedings. The authors are based on the practice of applying the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction of 1980. The article provides examples of the practical application of the provisions of the Convention by the courts of the Russian Federation, as well as by the European Court of Human Rights.

ка, стороны государства указанного права. Вместе с тем, авторами рассматриваются основания и условия принятия решения о применении указанной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, проводится анализ состояния законодательства в указанной сфере, обозначаются основные сложности и выдвигаются предложения по их устранению.

Ключевые слова:

международное похищение детей, ребёнок, перемещение детей, интересы детей, родители

Keywords:

international child abduction, child, child displacement, children's interests, parents

Дети являются самой незащищенной, уязвимой демографической группой в мире. Ребенок в силу своей физической, умственной, нравственной незрелости требует повышенной охраны и защиты со стороны государств. Следует отметить, что ребенка необходимо рассматривать как независимого человека, который имеет свои потребности, интересы и права, а это значит необходимо прислушиваться и учитывать его мнение в тех или иных вопросах.

Принцип «наилучшего обеспечения интересов ребенка» закреплен на международном уровне в различных актах, например, в 3 статье Конвенции о правах детей¹. Существуют разные подходы к определению понятия «наилучший интерес ребенка» как в международном праве, так и в национальном. Многие ученые вкладывают в это понятие потребности ребенка в условиях, которые требуются для его содержания и благополучного развития, а также подготовки к самостоятельной жизни. Другие ученые определяют, как потребности в условиях для нормального физического и психологического развития, надлежащих материально-бытовых условиях [1, с. 46]. Однако несмотря на отсутствие единого подхода в определении данного понятия, цель преследуется одна – защита и забота о детях. Также международное право закрепляет определенные стандарты защиты прав и интересов детей, а национальное законодательство по-своему их детализирует и применяет.

Помимо Конвенции о правах детей, права и интересы ребенка закреплены в других правовых документах, в том числе в Декларации прав ребенка², которая впервые указала на специальную охрану детей и стала точкой отсчета в дальнейшей регламентации их прав; Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее - Конвенция 1980 года)³.

Нами же будет рассмотрена подробнее Гагская конвенция 1980 года, которая регулирует споры о перемещении детей, где родители ребенка являются гражданами разных государств.

Гагская конвенция 1980 года по состоянию на 2019 год действует в 101 стране мира, включая страны разных правовых систем. Российская Федерация присоединилась к конвенции в мае 2011 года, а вступила в силу 1 октября этого же года. В преамбуле конвенции подчеркивается, что «интересы детей являются проблемой первостепенного значения в вопросах, касающихся опеки над ними». Несмотря на присоединение к Гагской конвенции 1980 г. и введение главы 22.2

1 Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.

2 Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов.

3 Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Заключена в г. Гааге 25.10.1980) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 19.12.2011. № 51.

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁴, практическое применение судами соответствующих норм весьма затруднительно в виду того, что существует большое число неразрешенных вопросов и коллизий, требующих устранения. Для того чтобы предложить возможные пути решения имеющихся проблем, необходимо проведение комплексного исследования данных норм, регулирующих порядок производства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении него прав доступа.

В соответствии с Конвенцией речь идет о международном похищении ребенка, если:

- а) ребенок не достиг 16-летнего возраста;
- б) ребенок постоянно проживал в стране-участнице Конвенции (гражданство ребенка и родителей не имеет значения и не учитывается при вынесении решения о возвращении);
- в) ребенок перемещен или удерживается за границей без согласия его законного представителя.

Следует обратить внимание на возраст ребенка, с наступлением которого применение конвенции прекращается. Мы предполагаем, что это связано с тем, что возраст совершеннолетия в разных странах различается. Во многих странах наступление полной гражданской дееспособности наступает раньше 18 лет. Так, например, во Вьетнаме, Шотландии, Камбодже и на Кубе полная дееспособность наступает с 16 лет, в КНДР - в 17 лет, а Саудовская Аравия, Индонезия, Мьянма, Йемен, Иран (только для мужчин) устанавливают критически низкий показатель дееспособного возраста - 15 лет. Споры обычно в отношении определения места жительства детей младшего возраста, которые не могут самостоятельно обратиться в суд и защитить свои права. Следовательно, предполагается, вероятность перемещения и длительного удержания в другом государстве ребенка старше 16 лет без его согласия незначительна [2, с. 4].

Цели Гаагской конвенции 1980 г. указаны в статье 1, одна из которых – незамедлительное возвращение детей. Однако в данном случае есть исключения, то есть обстоятельства, когда «незаконное перемещение» не будет являться таковым. Для того, чтобы суд принял решение о невозвращении ребенка, родитель должен доказать в суде наличие исключительных обстоятельств. Такими обстоятельствами могут являться:

- когда фактически право опеки не осуществлялось, то есть родитель, подавший заявление, фактически не исполнял родительские обязанности;
- существует серьезная угроза причинения физического или психологического вреда ребёнку в результате его возвращения;
- ребенок возражает против возвращения и достиг такого возраста и степени зрелости, при котором его мнение следует учитывать;
- с момента похищения прошло более одного года, и ребенок адаптировался в новой среде;

Теперь следует обратиться непосредственно к судебной практике, касающейся вопроса применения положений Конвенции 1980 года.

Важным правовым актом, разъясняющим положения Конвенции 1980 года применительно к российским судам, является Обзор практики от 18 декабря 2019 г.⁵.

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

5 Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. Май. 2020.

На основании статьи 8 Конвенции, любое лицо может обратиться за содействием в возвращении ребёнка в центральный орган государства постоянного проживания ребенка. Согласно Обзору практики от 2019 года в РФ таким органом является Министерство просвещения Российской Федерации. Именно на него возложена обязанность принятия и обеспечения всех мер для добровольного возвращения ребенка.

В связи с введением в 2014 году главу 22 в Гражданский процессуальный кодекс РФ стала доступна подача заявления в суд о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Конвенции 1980 года. Однако законодатель установил определенный перечень судов, которым подсудны дела такого характера. Заявление подается в определенный районный суд в федеральном округе, в котором пребывает ребенок. Указанное заявление может быть подано только в один из восьми судов первой инстанции, указанных в части 2 статьи 244.11 Гражданского процессуального кодекса РФ. Например, в пределах Уральского федерального округа заявление может быть подано в Железнодорожный районный суд города Екатеринбурга.

В Обзоре практики 2019 года на основании информации, предоставленной судами, приводится статистика рассмотрения дел: в 2016 году рассмотрено 13 дел, в 2017 году - 26 дел, в 2018 году - 32 дела. Также анализ судебной практики показал, что чаще всего в данных делах были задействованы такие государства как Испания, Украина, Израиль, Франция и Германия.

Дзержинским районный судом г. Санкт-Петербурга был рассмотрен иск гражданина У. к гражданке К. о возвращении ребенка в государство постоянного проживания на основании международного договора. В обосновании заявленных требований гражданин У. указал, что между ним и гражданкой К. в 2009 году был заключен брак в Финляндии, однако в 2014 году брак был расторгнут. Вследствие чего решением суда Финляндии 23 декабря 2014 года над ребенком была установлена совместная опека родителей. В феврале 2015 года ответчик вместе с ребенком без согласия истца в нарушение решения суда пересекли границу Финляндии. Истец настаивает на том, что вред несовершеннолетнему ребенку нанесен его перемещением из постоянного или обычного места жительства в Финляндии в Российскую Федерацию [3, с. 98]. Ответчик К., ссылаясь на статью 13 Конвенции, указал, что ребенок не подлежит возвращению в страну постоянного пребывания, если будет доказан серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда. Ответчиком также было указано на то, что их дочь привыкла к своему настоящему месту жительства, и переезд в Финляндию может стать для несовершеннолетней психотравмирующим, и как следствие опасным для ребенка. Тем более ребенок не говорит по-фински и не воспринимает финскую речь, а общается только по-русски [3, с. 99].

Суд, ссылаясь на статью 38 Конвенции 1980 года, полагает, что ответчик не доказала наличие оснований, позволяющих в порядке исключения отказать в возвращении ребенка [3, с. 99]. Следовательно, суд находит требования о возвращении несовершеннолетнего ребенка подлежащими удовлетворению. Однако в данной ситуации возникает вопрос об учете мнения ребенка и его желаний касательно места проживания. При принятии данного решения суд не берет это во внимание, основаниями являются лишь доказательства законного представителя ребенка.

Чтобы определить, как именно применяются положения Гаагской конвенции 1980 года, обратимся к практике Европейского суда по правам человека.

При рассмотрении дел о похищении ребенка одним из родителей ЕСПЧ приме-

няет не только Конвенцию 1980 года, а несколько нормативных актов в совокупности, которые были изложены нами выше. Деятельность ЕСПЧ по рассмотрению данных споров не должна приводить к противоречию или противопоставлению различных договоров, а должна играть роль комплексного и эффективного регулятора международных споров по вопросам похищения детей [4, с. 155].

Далее рассмотрим дело «Громадка и Громадкова против Российской Федерации», которое рассматривалось ЕСПЧ в 2014 году. По данному делу гражданин Чехии женился на гражданке РФ в 2003 году, однако в 2007 году супруга заявителя начала бракоразводный процесс, во время которого оба родителя пытались получить опеку над ребенком. В 2008 году, когда бракоразводный процесс еще продолжался, супруга вывезла дочь в Российскую Федерацию без согласия заявителя. [5, с. 108]. Рассматривая данное дело, ЕСПЧ установил нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указав, что отсутствовала правовая база, позволявшая властям РФ надлежащим образом реагировать на случаи международного похищения детей, поэтому власти Российской Федерации не выполнили своих позитивных обязательств, предусмотренных статьей 8 Конвенции. Европейский Суд также отметил, что с 2008 года ребенок проживал в новой среде, в Российской Федерации, и его возвращение к отцу противоречило бы ее интересам, что признал и заявитель.

Еще одним интересным делом, касающимся вопроса международного похищения детей, является дело «Эскинази и Шелуш против Турции», рассматриваемое в 2005 г. Мать увезла дочь из Израиля в Турцию, подав заявление на развод и получив временную опеку над ребенком. Супруг обратился в суд Израиля, который вынес предписание матери вернуть их дочь в Израиль, а в случае, если она этого не сделает, ее действия будут классифицированы как похищение ребенка в соответствии с Конвенцией 1980 г. Судом Турции вынесено решение о возвращении ребенка в соответствии с положениями Конвенции 1980 г. Отец ребенка подал ходатайство об исполнении решения. Мать ребенка утверждала, что данное решение о направлении девочки обратно в Израиль будет являться нарушением их права на уважение частной и семейной жизни, разделение с матерью и отправка в страну, где у девочки не было связей и на языке которой она не разговаривала, будет противоречить её наилучшим интересам. ЕСПЧ посчитал данную жалобу необоснованной, указав, что решения приняты судами с учетом ст. 8 Конвенции 1950 г. и Конвенции 1980 г. [4, с. 158].

Изучив два судебных решения можно сделать вывод о том, что мнение ребенка не всегда влияет на мнение судей по конкретному делу. В некоторых постановлениях суды указывают на то, что Конвенция 1980 г. не устанавливает право ребенка выбора места проживания. Однако положения российского законодательства предусматривают участие ребенка в принятии важных решений, касающихся него и его семьи. В частности, ст. 57 Семейного кодекса РФ, предусматривает право ребенка на выражение своего мнения при решении семейных вопросов, а учет мнения ребенка, достигшего десятилетнего возраста, обязательен [4, с. 158].

Подводя итоги, хочется сказать о том, что положения Конвенции 1980 г. активно применяются как российскими судами, так и международным судебным органом – Европейским судом по правам человека. Европейский суд по правам человека рассмотрел достаточно большой массив дел, связанных с рассмотрением вопроса о международном похищении детей. Своими решениями судебный орган определяет курс для всех судов, рассматривающих данные дела. Однако, немаловажную роль играет совокупность применения норм иных международных актов и российского законодательства, которое ориентировано на охрану прав и законных интересов детей [4, с. 160].

Библиографический список:

1. *Бондаренко О.А.* «Интересы ребенка» как правовая категория // Legal Concept. 2017. №1. С. 44-48.
2. *Семина Т.А., Тригубович Н.В.* К вопросу о реализации в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. – М.: Юрист, 2012, № 4. С. 2-7.
3. *Мустафин Р.Ф., Мустафина С.А., Гергов А.З.* Применение Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Вестник Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова. 2018. № 3А. С. 97-103.
4. *Куликова Н.В.* Правовой анализ судебной практики Европейского Суда по правам человека по делам о международном похищении детей // Молодой ученый. 2020. № 8. С. 155-160.
5. *Громоздина М.В.* Возвращение ребенка: проблемы международного урегулирования спорных вопросов // Вопросы российского права. 2017. № 3. С. 105-113.

References:

1. *Bondarenko O.A.* (2017). «The interests of the child» as a legal category // Legal Concept. 1. P. 44-48.
2. *Semina T.A., Trigubovich N.V.* (2012). On the implementation in the Russian Federation of the Convention on Civil Aspects of International Child Abduction of 1980. Family and Housing Law. Moscow: Lawyer 4. P. 2-6.
3. *Mustafin R.F., Mustafina S.A., Gergov A.Z.* (2018). Application of the Convention on Civil Aspects of International Child Abduction. Bulletin of the Chechen State University named after A. A. Kadyrov. 3. P. 97-103.
4. *Gromozdina M.V.* (2017). The return of the child: problems of international settlement of disputed issues. Questions of Russian law. 3A. P. 105-113.
5. *Kulikova N.V.* (2020). Legal analysis of the judicial practice of the European Court of Human Rights in cases of international child abduction. Young Scientist. 8. P. 155-160.

УДК 342.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_60

Шарифулин Артём Артурович

sharifulinart@gmail.com
Студент Института прокуратуры
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель:

Кирдяшова Елена Владимировна

Доцент кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кандидат юридических наук, доцент

Контрольная ветвь государственной власти как результат самоорганизации системы разделения властей

Шарифулин А.А./ Контрольная ветвь
государственной власти как результат
самоорганизации системы разделения властей // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 60–64. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_60

Аннотация:

Данная работа посвящена исследованию двух актуальных проблем: проблеме внедрения в методологию юридической науки, теории государства и права синергетики и проблеме самоорганизации важнейшего института государства – системы разделения властей. Первая заключается в том, что вплоть до сегодняшнего дня юридическая наука базируется в основном на диалектико-материалистическом методе, что приводит к линейности как непосредственно юридического мышления, так и процесса познания государственно-правовой реальности не только теорией государства и права, но и иными юридическими науками. В работе обосновывается идея внедрения относительно нового для правоведения метода – синергетического – при исследовании государства и системы разделения властей. Благодаря ему возможно аккумулировать разрозненные данные в единую научную картину сложного открытого самоорганизующегося целого. Впервые работа синергетического метода была продемонстрирована на примере анализа развития системы разделения властей в Российской Федерации. Доказано, что данный метод можно и необходимо применять при исследовании этой системы, поскольку она является сложной открытой и нелинейной. Вторая проблема заключается в том, что на протяжении почти трёх сотен лет с момента создания системы разделения властей государства официально не меняют архитектуру данного института, однако, сами того не желая, страны мира всё равно трансформируют эту систему, а именно, в ней выделяется контрольная ветвь государственной власти. Поэтому на базе комплексного анализа исторического (эмпирического) материала при использовании синергетического метода, получен основной вывод, заключающийся в том, что причиной выделения контрольной власти является длительный процесс самоорганизации системы разделения властей: последовательное прохождение системой бифуркационных точек под влиянием флуктуаций.

Ключевые слова:

система разделения властей, самоорганизация, сложные открытые нелинейные системы, синергетический метод, контрольная ветвь государственной власти, контрольная власть, методология.

УДК 342.5
DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_60

Artem A. Sharifulin

sharifulinart@gmail.com
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of the Prosecutor's Office, Student

Academic Supervisor:

Elena V. Kirdyashova

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

The control branch of state power as a result of self- organization of the system of separation of powers

Artem A. Sharifulin/ The control branch of state power as a result of self-organization of the system of separation of powers // Ural Journal of Legal Studies. 2023. No. 2. P. 60–64. DOI 10.34076/2658_512X_2023_2_60

Abstract:

This work is devoted to the study of two topical problems: the problem of introducing synergetics into the methodology of legal science, the theory of state and law, and the problem of self-organization of the most important institution of the state – the system of separation of powers. The first is that until today, legal science is based mainly on the dialectical-materialistic method, which leads to the linearity of both direct legal thinking and the process of cognition of the state-legal reality not only of the theory of state and law, but also of other legal sciences. The paper substantiates the idea of introducing a relatively new method for jurisprudence – synergetic – in the study of the state and the system of separation of powers. Thanks to it, it is possible to accumulate disparate data into a single scientific picture of a complex open self-organizing whole. For the first time, the work of the synergetic method was demonstrated by analyzing the development of the system of separation of powers in the Russian Federation. It is proved that this method can and should be used in the study of this system, since it is complex, open and nonlinear. The second problem is that for almost three hundred years since the creation of the system of separation of powers, states have not officially changed the architecture of this institution, however, unwittingly, the countries of the world are still transforming this system, namely, a controlling branch of state power is allocated in it. Therefore, based on a comprehensive analysis of historical (empirical) material using the synergetic method, the main conclusion was obtained, which is that the reason for the allocation of control power is a long process of self-organization of the separation of powers system: the sequential passage of bifurcation points by the system under the influence of fluctuations.

Keywords:

the system of separation of powers, self-organization, complex open nonlinear systems, synergetic method, control branch of state power, control power, methodology.

Мудрец смотрит в замысел, а не в исполнение.
Восточная мудрость.

Нельзя не согласиться с доцентом Е.В. Кирдяшовой в том, что «современная юридическая наука в целом оказалась единой в части констатации необходимости развития и совершенствования своей методологии» [1, с. 195]. Одним из вариантов такого развития является имплементация в правоведение (в теорию государства и права) предложенной ещё в 1986 г. профессором А.Б. Венгеровым синергетики [2, с. 55], синергетического метода, позволяющего обеспечить трансдисциплинарность (полидисциплинарность) научного познания. «Синергетика изучает самоорганизационные процессы, происходящие в сложных системах» [3, с. 1]. Использование такого метода в исследовании, в частности государства и его институтов, представляется полностью обоснованным, ведь, как верно отмечает профессор В.Е. Чиркин, «для того чтобы вести к верным, научно обоснованным выводам, в государствоведении необходимо ориентироваться на многофакторный подход, избегая односторонности» [4, с. 21].

Система разделения властей, заключающаяся в «распределении функций на три рода власти» [5, с. 3], приобрела законченный, готовый вид в фундаментальной работе Ш.Л. Монтескьё «О духе законов» (1748 г.). Можно констатировать, что сегодня данная система является конституционно закреплённым институтом государства многих стран мира практически в неизменном виде (то есть даже спустя почти три сотни лет), хотя *de facto* происходит «расширение триады властей» [6, с. 2]. Таким образом, необходимо отметить, что «общественные отношения трансформируются ... а правовая модель классической триады властей “стоит на месте”» [7, с. 21], вследствие чего многими учёными обосновывается фактическое выделение и обособление контрольной ветви государственной власти. При этом можно констатировать стойкую невосприимчивость данной новеллы законодательством. Поскольку контрольная власть не является непосредственным предметом настоящего исследования, её правовая природа подробно раскрываться не будет, однако отметим, что автор убеждён в существовании в Российской Федерации четвёртой (контрольной) власти. Данная статья посвящена выявлению причин трансформации системы разделения властей и фактического появления контрольной власти. Ответить на поставленный вопрос помогает применение синергетического метода, поскольку в его поле зрения попадают сложные открытые и нелинейные системы. Попробуем доказать наличие данных признаков у системы разделения властей.

Сложность исследуемого объекта проявляется, во-первых, во «множестве элементов системы» [8, с. 210] (здесь и далее выделено мной – А.Ш.), что в данном случае выражается в существовании как ветвей государственной власти (в классическом варианте – законодательной, исполнительной и судебной), так и их органов (парламент, правительство, суды). Во-вторых, во внутреннем разнообразии системы [8, с. 210], проявляющимся в разновидности элементов или подсистем (например, в судебной ветви государственной власти существуют система судов общей юрисдикции и система арбитражных судов). В-третьих, в многоуровневости системы (сложности архитектуры) [8, с. 210]. Это подтверждается существованием единой трёхуровневой публичной власти (то есть власти федеральной, субъектовой (региональной) и муниципальной (местной)). В-четвёртых, в существовании памяти, то есть «при смене режима функционирования процессы возобновляются по старым следам (прежним руслам)» [8, с. 211]. Это, например, проявляется в том, что пришедшая советская власть признала систему разделения властей буржуазной, то есть отказалась от неё. Однако в итоге, в 1990 г., советский государствовед М.А. Крутоголов заявил, что *de facto* кроме

трёх основных ветвей в СССР «есть и четвёртая власть – власть партии, её ЦК КПСС, Политбюро. И это, пожалуй, главная власть, стоящая над остальными» [9, с. 2]. В-пятых, в необратимости развития (то есть невозможности «приведения системы в абсолютно то же состояние, что и первоначальное» [3, с. 1]). Сегодня невозможно полностью вернуть систему разделения властей в тот вид, который был описан Ш.Л. Монтескье (например, сегодня просто невозможно отказаться от управленчески эффективной «субсидиарной самостоятельности» [10, с. 340], заключающейся в распределении полномочий между органами государственной власти). Кроме того, следует помнить, что система разделения властей сама по себе является компонентом ещё более сложной системы государственно-организованного общества – государственности.

Открытость сложной системы заключается в обменивании [8, с. 211] с окружающим миром веществом, энергией. Применительно же к обществу, как отмечает доцент Е.В. Кирдяшова, «это могут быть любые факторы ... например – информация» [3, с. 1]. Это также находит отражение и в системе разделения властей: происходит постоянный обмен информацией между обществом и органами ветвей государственной власти (например, поступившая от СМИ информация может послужить поводом для начала проведения проверки, осуществляемой контрольным органом исполнительной власти; суд, руководствуясь принципом гласности, публикует на своём официальном сайте в Интернете принятые судебные решения).

Нелинейность системы проявляется в смене темпа своего развития, подверженности различным режимам функционирования [8, с. 211], что также относится и к системе разделения властей. Так, в российской системе разделения властей президент не входит ни в одну ветвь государственной власти, тогда как в США он возглавляет исполнительную ветвь государственной власти.

Таким образом, доказано, что система разделения властей – система сложная, открытая и нелинейная. Следовательно, к ней применим синергетический метод.

Безусловно, на подобные системы оказывают воздействия флуктуации – отклонения, возмущения, причём абсолютно различного характера. «И если система находится в неравновесном, неустойчивом, кризисном состоянии, то процесс воздействия (флуктуаций) достигает критической точки – точки бифуркации (точки ветвления путей – Примеч. авт.), в которой состояние системы становится максимально неопределённым, ... случайностным» [11, с. 317]. «Выбор дальнейшего варианта развития определяется случаем в виде очередной флуктуации (возникающей в том числе и в результате внешнего воздействия)» [3, с. 1].

Такой же нелинейный ход развития можно проследить и в российской системе разделения властей. Так, возможно, первой серьёзной флуктуацией в её истории стало учреждение в 1722 г. Петром I прокуратуры, осуществляющей открытый надзор за законностью. Данное событие может быть рассмотрено как непредсказуемая реакция системы, находившейся в точки бифуркации в связи с тяжёлым состоянием государственного аппарата (то есть система в тот момент была максимально неравновесна и неустойчива). Примечательно, что и советская практика, продемонстрировав память системы, сохранила институт прокуратуры после его временного запрета. Далее «к лету 1991 года уровень ... флуктуаций, степень их концентрации вокруг узловых конструкций ... достигали критических значений. Именно под влиянием этих флуктуаций ... СССР как система входит в бифуркационное состояние и его возможные изменения становятся многовариантными и непредсказуемыми ... В декабре 1991 года внезапно реализуется ... план: осуществляется соглашение трех высших

должностных лиц ... это синергетическое воздействие приводит к нелинейности развития» [12, с. 59]. Вследствие чего, пройдя данную точку бифуркации, в 1991 г. создаётся Конституционный суд РФ, который является органом конституционного контроля. Отметим, что в науке существует дискуссия о признании Конституционного суда РФ собственно судом, ведь сущностно данный орган является контрольным. Например, профессор В.Е. Чиркин считает, что «конституционные суды вряд ли правильно называть судами (в названии советов от этого уже отошли) ... Это ... иная власть – контрольная» [13, с. 166]. Поэтому и Конституционный суд РФ является на самом деле органом контрольной, а не судебной ветви государственной власти. Далее – это учреждение института Уполномоченного по правам человека в РФ в 1993 г. (реализация контроля в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина) и появление Счётной палаты РФ в 1995 г. (осуществление финансового контроля). Таким образом, пройдя череду бифуркационных точек, российская государственность не только «приобретает» систему разделения властей (напомним, что в советское время она отрицалась, признаваясь буржуазной), но и видоизменяет её путём создания относительно новых контрольных органов, образующих отдельную контрольную ветвь государственной власти, что в том числе способствует сохранению государства. Случайность такого хода событий подтверждается, на наш взгляд, и тем, что авторы Конституции РФ¹, не подозревая о дальнейшем преобразовании системы разделения властей, не отразили в ней элементарных положений, связанных с государственной властью и сформировавшейся в России политической традицией: исходя из ст. 10 и ч. 1 ст. 11 Конституции РФ прокуратура, счётная палата и ряд других органов не являются носителями государственной власти, следовательно, они и не являются органами государственной власти, что противоречит концепции единства государственного аппарата.

Таким образом, представляется, что рождение контрольной ветви государственной власти связано, в первую очередь, с процессом самоорганизации системы разделения властей и государства. Предсказать, а тем более обосновать закономерность появления новой четвёртой ветви власти в рамках исторического материализма было просто невозможно, вследствие чего необходимо констатировать синергетическую, а не диалектико-детерминированную природу выделения контрольной власти.

Библиографический список:

1. Кирдяшова Е.В. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография (гл. 11. Синергетика в юридических исследованиях: перспективы использования) / отв. ред. А.В. Корнев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 528 с.
2. Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 36-45.
3. Кирдяшова Е.В. К вопросу о возможности использования синергетики в теории государ-

Reference:

1. Kirdyashova E.V., Kornev A.V. (ed). (2023). Problems of History, Methodology and Theory of Legal Science: Monograph. Moscow: Norma. INFRA-M. 528 p.
2. Vengerov A.B. (1986). Synergetics, Legal Science, Law. The Soviet State and Law. 10. P. 36-45.
3. Kirdyashova E.V. (2003). On the Question of the Possibility of Using Synergetics in the Theory of State and Law. Russian Law on the Internet. 1. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9163317_70877663.htm (accessed 16

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 20.02.2023).

- ства и права // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9163317_70877663.htm (дата обращения: 16.02.2023)
4. *Чиркин В.Е.* Государствоведение: учебник: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юристъ, 2000. 384 с.
 5. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов // URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 17.02.2023)
 6. *Чиркин В.Е.* Некоторые современные вопросы разделения властей и совершенствование национального законодательства // URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29338/1/4_Чиркин.pdf (дата обращения: 17.02.2023)
 7. *Шарифулин А.А.* К вопросу о трансформации классического принципа разделения властей // Российское правоведение: трибуна молодого ученого: сб. статей. Томск: Издательство Томского государственного университета. 2022. Вып. 22. С. 20-21.
 8. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: синергетическое мировидение. – 3-е изд. – М., 2010. 254 с.
 9. *Крутоголов М.А.* Перестройка и власть. Беседа в «Правде» // Правда. 1990. С. 58-63.
 10. *Шарифулин А.А.* Субсидиарная самостоятельность как новелла принципа разделения властей // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Международной конференции молодых ученых: в 3 т. Т. 1. – М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. 340 с.
 11. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – М.: Новый Юрист, 1998. 624 с.
 12. *Венгеров А.Б.* Синергетика и политика // URL: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2013/08/Vengerov1.pdf> (дата обращения: 20.02.2023)
 13. *Чиркин В.Е.* Контрольная власть: монография. – М.: Юристъ, 2008. 213 с.
- February, 2023).
 4. *Chirkin V.E.* (2000). State Studies: Textbook. Moscow: Lawyer. 384 p.
 5. *Montesquieu C.L.* About the Spirit of Laws. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (accessed 17 February, 2023).
 6. *Chirkin V.E.* Some Modern Issues of Separation of Powers and Improvement of National Legislation. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29338/1/4_Чиркин.pdf (accessed 17 February, 2023).
 7. *Sharifulin A.A., Andreeva O.A.* (ed). (2022). On the Transformation of the Classical Principle of Separation of Powers. Russian Jurisprudence: Tribune of a Young Scientist: Collection of Articles. Tomsk: Tomsk State University Press. 22. P. 20-21.
 8. *Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P.* (2010). The Foundations of Synergetics: Synergetic Worldview. Moscow. 254 p.
 9. *Krutogolov M.A.* (1990). Restructuring and Power. Conversation in "Pravda". Pravda. P. 58-63.
 10. *Sharifulin A.A.* (2022). Subsidiary Independence as a Novel of the Principle of Separation of Powers. Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: Materials of the XXI International Conference of Young Scientists. Moscow: Publishing Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 340 p.
 11. *Vengerov A.B.* (1998). Theory of State and Law: Textbook for Law Universities. Moscow: New Lawyer. 624 p.
 12. *Vengerov A.B.* Synergetics and Politics. URL: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2013/08/Vengerov1.pdf> (accessed 20 February, 2023).
 13. *Chirkin V.E.* (2008). Control power: Monograph. Moscow: Lawyer. 213 p.